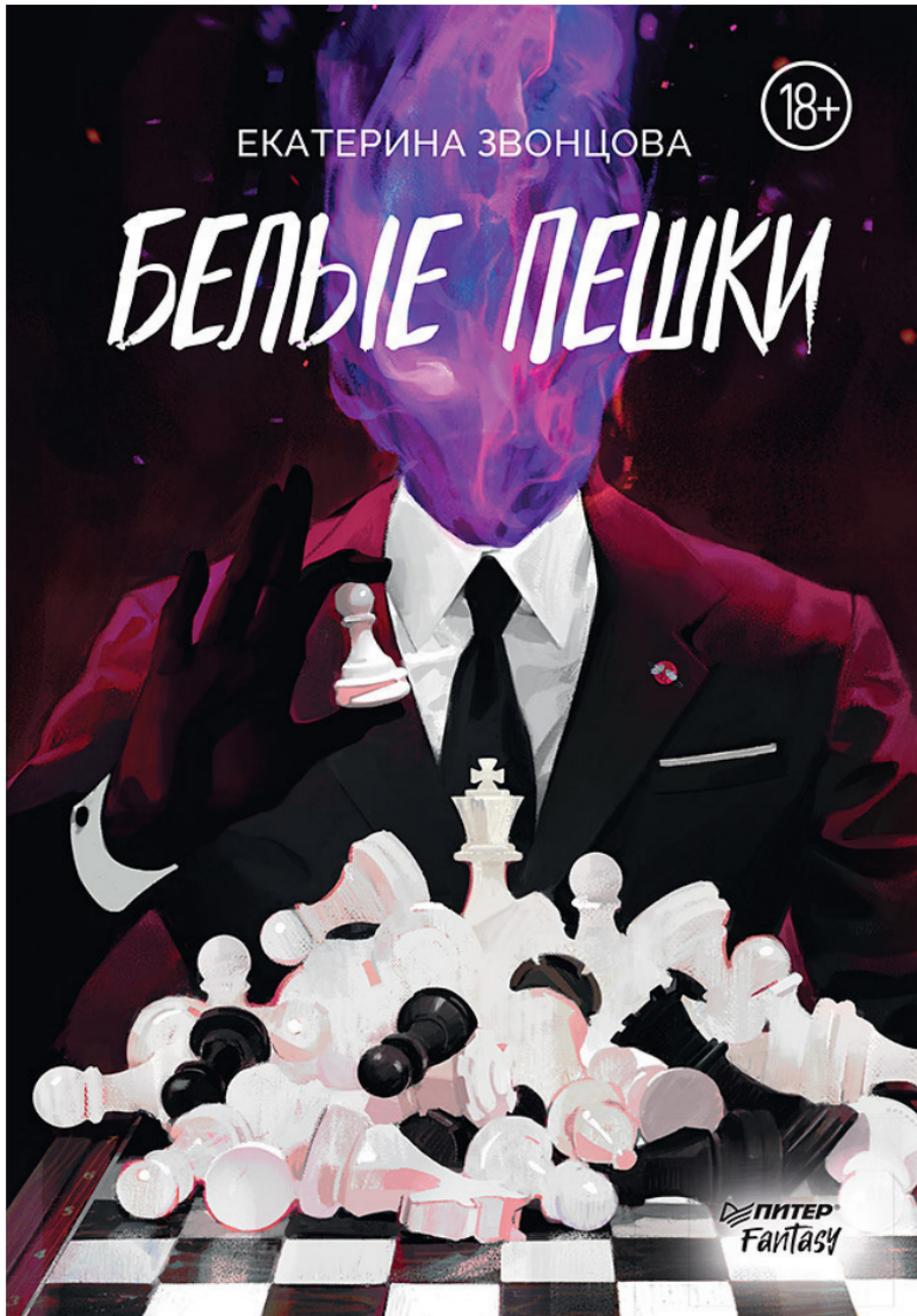

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА

18+

БЕЛЫЕ ПЕШКИ

ПИТЕР
Fantasy

Екатерина Звонцова
Белые пешки
Серия «Питер. Fantasy»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69209953

Белые пешки: Питер; Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-00116-885-0

Аннотация

2007 год. Москву потрясает серия жестоких убийств. Следствие заходит в тупик, ведь дело обстоит намного серьезнее, чем кажется. Давний враг, подчинивший Хаос, бросает вызов самому Мирозданию, он вернулся, чтобы забрать свое.

Ради победы над общим врагом Добро и Зло готовы пойти на невозможное – объединиться. Но пешками в этой шахматной партии на древней Великой Доске суждено стать невинным людям. Так судьбы восьми друзей оказываются в руках Небесной Канцелярии. Удастся ли им восстановить мировое равновесие? И кто окажется истинным победителем в этом неравном поединке?

18+ (Запрещено для детей. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

Содержание

Пролог Посмертья	5
Пролог Земли	20
Арка 1. Девочки-амазонки, мальчики-паладины	23
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Екатерина Звонцова

Белые пешки

© Издательство «Питер Класс», 2023

© Серия «Питер. Fantasy», 2023

© Екатерина Звонцова, текст, 2023

© Юлия Журавлева, иллюстрация на обложке, 2023

* * *

Пролог Посмертья

Все началось с кофе. С адски горячего кофе, который мне из ада и доставили. Ничего нового, туда ходит с нашего Перекрестка чертовски удобный грузовой лифт.

– Сливки, сахар и... белые ушные пробки? Я ничего не забыла, ангел мой?

Женщина моей жизни – она же коллега моей мечты – такая трогательная, когда демонстративно игнорирует смертные словечки. К ее белокурым волосам, перетянутым алой лентой, фигуре нимфы и чистым голубым глазам истинного чудовища это высокомерие идет.

– Маршмеллоу, демон мой. На Земле этот зефир зовут «маршмеллоу», на планетном поясе Магелланова Облака – «икихари о до-до», а вот на Луне Водолея...

– Я зову его «белые ушные пробки». И мне вообще не до этого. Тебе, кстати, тоже.

Тогда-то я и заподозрил, что влип, но слов сразу не нашел. С глубокомысленным «э-э-э» стал вылавливать из бумажного стаканчика белые сладкие кляксы, а Гонни – Гонерилья, она всегда тяготела к Шекспиру – следила за мной, как ястреб следит за не очень сообразительным зайцем. Которого даже есть страшно: вдруг заразный?

– Быстр-рее, – прорычала наконец она. – И приведи себя в приличный вид, Руби.

– Чего? Да я и так!.. – В знак протеста я качнулся на камне, где сидел, и продемонстрировал ей свои безукоризненно начищенные желтые ботинки. – И так!.. – Пригладил начес. – Красавчик!

Но она не впечатлилась, только приподняла тонкие зачерненные брови.

– Лорд скоро придет. Точно не хочешь причесаться хоть раз за месяц?

– Ой.

Если она хотела, чтобы я притих, то я притих. Удовлетворенная, она присела на камень рядом и сделала глоток из своего стакана. Тройной эспрессо без намека на сахар, черный, как ее жизнь, да еще с лимонной цедрой. Мерзость, даже грешников таким не поят.

– Насколько скоро и зачем? – опасливо спросил я. Не для того ждал кофе, чтобы сейчас втянуть его, как бешеный слон хоботом, за пять секунд, это должно было быть что-то про «спокойное присутствие в моменте».

– М-м-м, – стройная нога Гонни пнула камешек, он испуганно отлетел куда дальше, чем позволяли законы физики. – Не знаю. Так, слушок. Ну наверное... наша планета опять в дерьме? По-моему, ожидаемо.

С этим сердитым замечанием она уставилась вдаль, на бесконечный серый пейзаж. Я посмотрел туда же, но подсказок не заметил. Камни как камни, шпили как шпили, туман как туман. Обычное Посмертье, наше рабочее место

уже несколько веков. Ничего нового, только приветственная небесная надпись из сотен пестрых огоньков горела сегодня как-то... нервно. Мигала, рябила. Игнес-фатуи пора заметить: видимо, устали.

«Умерли? Не расстраивайтесь! Вы в надежных руках».

Не то чтобы лозунг утешал всех свежих покойников, но руки у нас правда ничего. Гонерилья – демон высшей пробы, а я ничего так ангел. Строго говоря, мы так не называемся, но хочешь работать с землянами – говори на их языке. Так что Ангелы и Демоны. И все эти «Ну да, ну да, вам в лифт, но это ненадолго, Ад не так плох, там много нескучных бесов». Или «Поздравляем, вас ждет Небо, но, пожалуйста, предупредите любого курирующего психолога, как только почувствуете пресыщение и выгорание». Или «Реинкарнация – пока не опция, но заявку можно будет подать через соответствующий отдел после реабилитационного срока». А по итогу...

– Да господи, что опять не так? – проворчала Гонерилья в пустоту, и я задумался над тем же вопросом.

– Революции, войны... идут? – Я выудил из кармана ежедневник и принялся его листать, поставив кофе у ног.

– В штатном режиме.

– Избранные рождались?

– Давно не было.

– Ведьмы расшалились? Динозавры? А может, пришельцы?

– Ру-уби, – простонала она, прикрывая лицо ладонями. Я видел: она ого-го как расстроена, а не просто нервничает. – Динозавр тут только ты. А нашей планете даже глобально воевать в перспективе только через несколько десятилетий. Мы должны вступать в относительно мирный период, процветать и благоденствовать, а тут...

– Ауч, – я убрал ежедневник и отпил кофе снова. – Ну ладно. Не парься пока. Лорд придет – и расскажет, во что мы вляпались. А может, и наоборот, похвалит.

Она шумно выдохнула. И мы уныло замолчали, уткнув носы в стаканы.

Перекрестков много – почти у каждой планеты свой. Наш никогда не хватал с неба звезд¹, но и жаловаться было особо не на что. Земля... нормальная. Ну немного склочная и вспыльчивая. Да, пренебрегает уборкой мусора и здоровыми отношениями. Да, там случаются вещи, от которых глаза лезут на лоб. Но везде случаются. Судя по тому, что болтают коллеги, нам даже повезло: как минимум у нас никто не читает мысли и не восстает из мертвых (если последнего не хочет Лорд). И пусть мы не образец осознанности, это место трудно не любить. Всех этих писателей, выворачивающих реальность наизнанку при помощи всего-то ручки, и заводчиков ярких горластых петухов, и булочников, пахну-

¹ Ха-ха, поверили? Хватал, еще как. Каждый, кто после смерти прилетает в наше захолустье, вспыхивает у нас в сером небе яркой звездой. Все ради света жизни! Так что это я фигурально. – *Примеч. «ангела» Руби.*

щих так, что их самих хочется съесть, и вот тех типов, которые выдумали водяной пистолет, золотые зубы, бас-гитару, туалетную бумагу в рулонах, шоу про Скуби Ду, бальзам «Звездочка», блюда из лягушек, генетический код и липучие желтые листочки для офиса, – надо же было до такого дойти! Мне нравятся и те, кто просто доил коров, разгребал докладные, чинил электроплитки, а потом уезжал в горы, записывался на конкурс певцов, грабил банк. Или не уезжал, не записывался, не грабил, а всю любовь отдавал колючему кактусу и толстой трехцветной кошке. Нет, правда, люди забавные. Мне трудно понять коллег рангом повыше, которые привязываются к ним, как к хомячкам или лабораторным мышкам, но иногда не привязаться невозможно. И вот...

– Где все-таки они накосячили, как думаешь? – теперь завел пластинку я.

– А вдруг мы? – Гонни кисло посмотрела в свой стакан и выплеснула остатки его содержимого на соседний камень. Камень предсказуемо загорелся. – ЧЕРТ!

– Да нет, нет... – Я сжалился и лениво бросил зефирку в огонь. Он погас. – Чего мы-то? Аккуратно всех принимали и провожали... – Я снова покосился на сверкающую надпись под низкими серыми облаками. Она замигала лиловым. – Ну вроде.

«Умерли? Не расстраивайтесь». Проще сказать, чем сделать; да, люди болезненно реагируют на свою смерть и не

сразу понимают, что поменять уже ничего нельзя. Вечно просят что-то передать маме, фанатам, коту, соседям, врагам... В общем, бывают проблемы. Так что настрой Гонерильи я понимал. Она еще перфекционистка, любит идеальные показатели. Особенно психует, если Лорд... Лорд...

– Вдруг он будет меня ругать? – жалобно и яростно одновременно спросила она, и я едва не хрюкнул просто от злорадства, но даже поправлять не стал.

«Меня-я-я». Нас тут двое вообще-то, и я не так бесполезен, как ей кажется. Мои шутки-прибаутки и всякие там «Добро пожаловать, без паники, эти рога на моей голове накладные, с корпоратива прошлого остались, зато смотрите, какой у меня блокнотик с корги!» успокаивают некоторых бедняг. Но такая она, Гонни. Самовлюбленная и гиперответственная – гремучее сочетание.

– Расслабься, – вяло попросил я. – Ну... немного. – Я подумал еще чуть-чуть и предложил: – Отвлечемся пока, что ли? Расскажи мне какую-нибудь кулстори.

– Какую-нибудь что? – раздраженно переспросила она, подбросила стакан и сожгла его взглядом. Это она так стрессует. Пока не жжет коллег, все хорошо.

Я предусмотрительно прижал свой стаканчик к груди.

– Может, еще что слышала там, внизу? Как делишки у... исправляющихся и неисправных?

– Не знаю. – Она поджала губы, и я понял, что неосмотрительно врезал по больному. – Ты же знаешь, меня там не

любят за то, что я блондинка. Демоны не должны быть блондинами и особенно блондинками, значит, со мной что-то не так.

– Это расизм, – назидательно поднял палец я. – И наверное, немножечко сексизм.

– Плевать, – отрезала она со вздохом и явно опять собралась замолчать.

– Ну... – Я покосился туда, куда недавно она сама столь вдохновенно глядела, – а в городе? Вроде бы ты там много зависала в последние смены, от работы отлынивала...

– Пошел ты, – тут же заершилась она. – Работаю я побольше тебя. Как в лифт кого-то загонять, так «Ой, Гонни, вот тебе плеть, а у меня лапки!», или как ты там говоришь, а как мне сходить съесть бургер, посмотреть кино и покататься на трамвайчике...

– Однажды ты каталась на трамваях, ходила на «Семнадцать мгновений весны» и ела бургеры *неделю*, – беззлобно напомнил я. – Бог со мной, но как тебе не надоело?

Гонни пожала плечами. Ожидаемо она не выглядела виноватой.

– Мне там нравится. Там спокойно. Там... понятно. И не надо закатывать глаза.

Что, правда закатил? Да, наверное. Все-таки очень мы разные, и хотя кадры вроде нас почти всегда подбирают по принципу «два сапога из разных коллекций» или даже «сапог и тапочек», я никак не привыкну. Гонерилья холодная

злюка, а я заноза в заднице. Она помнит в лицо едва ли не всех со времен чумы Юстиниана, а я забываю лица за пять минут. Она про деньги и показатели КРІ, а я про прикольные сувениры, которые отжимаю у тех, кто мне особенно нравится. Или вот: она любит Город Мертвецов, а я не выношу.

Нет, серьезно. Трамваи и бургеры правда ничего, но в остальном серость. Затхлая серость, каким еще может быть место, куда отправляются неопределившиеся? Ну, вот те, кого рано слать на Небо, жестоко – в котел, а гениальности, дающей пропуск в Безымянную Столицу – готовить к жизни юные, еще не рождавшиеся души, – нет? Один наглый тип, несколько веков назад ухитрившийся украсть наши методички и сострять книжный бестселлер, назвал Город Мертвецов мелодичным словом «Лимб»². Так вот, в этом Лимбе, который возмутительно многие покойники по итогу выбирают как ПМЖ, со скуки можно умереть повторно. Хотя... в забегаловках крутят Элвиса, а в кино, кроме любимых начальством «Семнадцати мгновений» есть «День Сурка», «Искатели», «Мальтийский сокол» и «Гарри Поттер». Больше, правда, ничего – в надежде, что хоть так мертвый народ не будет засиживаться. Но засиживается все равно, ведь это удобно – когда не надо ничего выбирать и можно уложить в дрейф собственную душу.

– Проклятые, – сказала Гонни, отрывая меня от мыслей.

² Неплохо, я даже запускал петицию для переименования. Не особо поддержали, увы. – *Примеч. «ангела» Руби.*

– Не ругайся, – машинально осадил я, но по новому тяжелому взгляду запоздало сообразил: упс.

– Ты что, не слушал? – железным голосом спросила она. – Сам же просил кулстори.

– Э-э-э... – Похоже, я задумался слишком глубоко.

– Ангел мой... – примерно таким тоном обычно обещают оторвать уши и сделать из них патчи для глаз. Но поколебавшись, Гонни смилостивилась. Все-таки Лорда ждем, а он не любит насилие. Никак, не зря сам разгуливает в обличе красивого хиппи. – Я тебе тут рассказываю про потрясающего парня, которого встретила пару веков назад. Представь себе, капитан дальнего плавания! Очень дальнего. Глаза красивые-красивые, плечи... – Она размахала руками что-то очень солидное. – Только вот. Проклятый из-за одного поступка. Помотался немного в Городе, но вскоре оказалось, что дальше ему пути нет и сам он ничего решать не может, вот и отправили его обратно на Землю. В надежде на какие-то новые обстоятельства.

– Угу, – вздохнул я. Многие «потрясающие» (по мнению Гонерильи) парни – как правило, пираты, ковбои, гангстеры или чокнутые ученые – заканчивали так, и никакие «обстоятельства» не давали им дорожку в рай. – Земля пухом. Вода. Или что там?

– Сволочь, – беззлобно бросила Гонерилья и лягнула меня каблуком. – А по мне, так это неправильно. Он был неплохим человеком. Он...

Я с хлопаньем втянул в себя остатки кофе и последние зефирки. Теперь Гонни скривилась, закатила глаза, но призвать меня к приличиям не успела. А сам я не успел и причесться: теплый ветерок растрепал начес еще безбожнее. стакан в руке превратился в саженец оливы, который, стоило мне его выронить, шустренько пустил корни прямо в камнях нашего унылого плато. Последняя зефирка застряла в горле, я закашлялся.

– Ага, – бархатно пропело что-то в воздухе. – Вы-то мне и нужны.

Не считая зеленых насаждений и обогрева, Лорд как всегда появился без помпы – ни голубей, ни вспышек, просто тихо нарисовался рядом и хлопнул меня по спине. Выглядел он буднично: длинные русые волосы, щетина, странным образом делающая свежее лицо еще моложе, потрепанные джинсы и запыленные кроссовки в самый раз для ежеутренних пробежек. Может, он и бегает по облакам и астероидам, кто знает. Загадочная личность этот сын Большого Босса, один прищуренный взгляд серо-голубых глаз чего стоит. «Знаю, что облажался, но прощу». Никто больше, даже сам Босс не умеет так смотреть.

– Мой Лорд, – предсказуемо выдохнула Гонни, хорошо хоть ниц не пала, но с камня подорвалась. И покраснела, и расцвела, и разве что ладошки к щечкам не прижала.

– Не «мой», а наш, – хмыкнул я. В этот раз меня не лягнули, при Лорде можно было всерьез решить, что у меня самая

милая и покладистая коллега на свете. Вот что краш животворящий делает. – Ну... привет, что ли? Чем обязаны?

Лорд сложил пальцы шпилем и прошелся вдоль той россыпи камней, которая служила нам стульями, столами и всем, что есть в приличных земных офисах. Не то чтобы нас что-то не устраивало, нет: так у всех. Бумаги заполнять не надо: одна вспышка звезды, несколько реплик, вежливое указание в нужную сторону – и работа сделана, следующий! Время тянется не хуже фунчозы, так что авралов и очередей тоже не бывает, даже когда люди вдруг умирают массово... в общем, если Лорд вдруг пришел просто с инспекцией и сейчас спросит, всем ли мы довольны, буду кивать. Так я решил, но он спросил другое:

– Войны... революции... рождения уникальных людей... идут?

– В штатном режиме, – заученно повторила Гонерилья, не сводя с него глаз голодной кошки.

– Хорошо. – Он поднял голову к мигающей надписи. Вздохнул, чинить почему-то не стал, хотя мог бы, и снова повернулся к нам. – Лиловый... плохо. Но это ненадолго. Я с новостью, мои дорогие Гонерилья и Рубироуз, – он назвал нас полными именами, да еще так проникновенно и мягко, что я окончательно понял: влип капитально, и никакой кофе с зефирками этот стресс не снимет. – Завтра у вас снова стартуют «добавочные поколения». Соответственно, будут сюрпризы. – То ли мы ментально совпали, то ли он и

прежде был тут невидимый и за нами следил, но он криво-вато, хотя и по-прежнему солнечно усмехнулся. – Ведьмы... динозавры... пришельцы... что вы там еще любите?

Вопрос – риторический, впрочем, – повис в воздухе, а мы переглянулись. Не найдя реакции лучше, я смиренно вздохнул, вынул из кармана тот самый ежедневник, по которому недавно выверял потрясения, и подкинул в воздух. Гонерилья его так же смиренно сожгла взглядом. Лорд рассмеялся.

– Ну-ну. Не нужно так драматизировать.

Он сложил руки шпилем снова, и я зацепился взглядом за покрывающие их шрамы. Мда, невесело... шутки шутками, а «добавочные поколения» – это даже для меня, любящего разнообразие, невеселый сигнальчик. Сигнальчик «Будешь работать как ишак все следующие лет сорок». Сигнальчик «Жопа! Приключения! Жопа!»

– Везде? – безнадежно уточнил я, и, к моему облегчению, Лорд покачал головой.

– Да нет, в нескольких странах, где сейчас и так много всего меняется. Будет... закономерное продолжение: новому времени – новые люди.

Новые люди. Ну да, да, примерно так. Опция «добавочные поколения» для того и существует – чтобы насытить застоявшееся пространство революционерами, колдунами, гениями, спасителями, творцами всяких красивых и полезных штук... Так-то они сами рождаются в нужном количестве, но бывает, что-то застревает и из перспективной души вырастает

тает не столь перспективное существо: либо другие мешают, либо сонастройка обстоятельств у разных отделов сбоят, либо мало ли. Тогда-то «добавочных» и запускают. Хотя не только. Бывает, что...

– Насколько новые? – вкрадчиво уточнила Гонерилья. Даже она, настроенная к Лорду лояльнее всех лояльных, хмурилась. Скорее испуганно, чем сердито. – И не хотите ли вы случайно...

– Нет-нет. – Лорд в шуточном страхе приподнял ладони, тоже все в шрамах. – Что я-то там забыл, у меня на ближайший век все командировки распланированы, ну только если будут какие-то исключительные обстоятельства...

Мне не понравилось, как он это произнес. Вот тем зыбким тоном, из-за которого на месте «если» мерещится «когда». Я понадеялся, что не прав, хотя логика была: еще одна опция «добавочных поколений» – под шумок с ними к смертным иногда пробираются... несмертные. Те, которым по тем или иным причинам нужно вмешаться. Кто порой принимает такие решения сам. Вроде мелких богов или охотников из Шестого отдела. За Лордом по молодости такой кейс был, и не за ним одним. Ничем хорошим не кончилось, люди... не так чтобы терпимы к тому, чего не понимают, кого-то и на кострах в свое время сожгли.

– Ясно, – только и сказал я. – А... зачем?

Теперь и Лорд нахмурился. Но что поделать, в отличие от Большого Босса, взгляд «Начальство не спрашивают, на-

чальство слушаются» ему недоступен, пока или вообще. Так что я не стушевался, наоборот, заулыбался как можно шире и начал перечислять:

– У нас в одной стране правительство сменилось без танков. Другая от страшного оружия собирается отказываться. Еще две враждующие подружились. Все вроде...

– Да, – перебил Лорд. Нетипично для него, он обычно дослушивает. – Земной департамент молодцы, и вы молодцы. Я все знаю. Но дело не в этом.

– А в чем? – Я закусил губу. Ох не нравилось мне все это. – Что-то форсируете?

Так тоже бывает, да, с отстающими цивилизациями. И у нас разок было, ну когда люди застряли в том самом увлечении кострами, тяжелыми доспехами и игрой «Кто дольше не помоемся». Пришлось их немножко пнуть. Но сейчас вроде все наладилось.

– Нет, – снова покачал головой Лорд, и наконец я понял: он абсолютно точно не даст сейчас конкретных ответов. Все-таки начальники все одинаковые. – Просто поверь, так будет лучше. У нас есть... старые долги и проблемы. Первые нужно в ближайшей перспективе отдать, а вторые решить. Я устал ждать. Это мой выбор.

Мутно звучало. Я пожалел, что сжег ежедневник. Гонни грустно посмотрела на пепельный след у наших ног.

– Что мы упустили? – все, что она выдавила. Вот-вот начнет просить прощения.

Лорд покачал головой и сказал то, от чего мне захотелось спрятаться... да хотя бы за крошечное оливковое деревце.

– Не вы. Я. Но разобраться придется людям.

Гонерилья облизнула губы. По лицу читалось: «Засыплю вопросами и не отстану». Я ее поддерживал. Под ложечкой противно сосало, съеденные зефирки ворочались внутри, словно собирались зажить собственной жизнью. Но ничего спросить я не успел: оглядев нас особенно пристально, Лорд деловито опустил на камень с видом «А теперь вспомните, что я важная птица». Ему это даже шло: куда чаще он похож на стеснительную булочку.

– Ну что... – устало спросил он, – может, кто-нибудь принесет мне кофе? Только не из Ада, пожалуйста, от него сплошная головная боль.

Надпись над его головой – «Умерли? Не расстраивайтесь...» – приветливо мигнула. Опять лиловым. А мне вдруг показалось, что «головная боль» была какой-то метафорой.

Теперь я знаю, что оказался прав, а лиловый – это очень плохо.

Пролог Земли

Тетрадь общая. А4. 120 листов, клетка.

Правило первое: чужие секреты – это чужие секреты.

Правило второе: не забирать Сокровище из Дупла.

Правило третье: не исправлять. Лучше не будет.

– Тут же будет и личное всякое. Так что не смейте!

– Спорим, Ника, что ты первая же нарушишь собственное правило? А так по рукам.

– Какой ты вредный, Максик. Ника никогда не нарушает правила, тем более собственные. Я знаю ее с пеленок. И я такая же.

– Ну-ну, Марти.

– А ты не ухмыляйся, Крыс! Такая же, такая же!

– А давайте, когда она заполнится, спрячем ее в капсулу времени и зароем... Чтобы лет через сто кто-нибудь правда-правда нашел и прочитал? Я в кино такое видела.

– Что за дичь эти капсулы, Ась? У нас их никто не закапывает, это все на Западе.

– А вот и не дичь. Серпентинка говорит дело. Лёв, ты у нас самый престарелый и умный. Подбрось мне парочку аргументов.

– Oh well. Египтяне возвели здоровенные пирамиды – и остались в памяти поколений. Средневековые европейцы построили огромные соборы – и остались в памяти поколений. А что останется от нас, переселяющихся во всякие интернеты? Небоскребы развалятся. Электронные тексты не сохранятся. Бумага истлеет. И что будет? Древние с пирамидами – Средневековье с храмами – огромная дыра нашего времени? Дыра в виде нас? Сашка, Дэн, my fucking geniuses, am I right?³

– Да! Если мир еще будет стоять, если люди не разучатся читать, им будет интересно! Какой ерундой мы страдали!

– И Вселенная будет держаться крепко.

– Крепче, чем на самом лучшем скотче.

– Тогда давайте попробуем.

Ну привет тебе, человек будущего. Хотя не уверен, человек ли ты. Удивительно: двести-триста-четыреста лет еще не прошли, а мне уже любопытно, кто ты: парень, девчонка, разумный зеленый слизень, горячая крылатая инопланетянка или огромный робот, прилетевший уничтожить Землю. Если последнее, то хорошо подумай, приятель. Тут здорово.

Раз ты читаешь это, значит, мы мертвы. А может, повзрослели. А может, ты вообще участковый, которому пожаловались на странных личностей, регулярно ошивающихся у старого дуба и прячущих что-то в его дупле? Да-да, этого самого дуба на детской

³ Мои долбаные гении, я прав? (англ.)

площадке, у него еще ствол кто-то покрасил в синий. Если так, привет тебе от одной из нас, тоже из органов. И каждый из нас гарантирует: на этих страницах нет ничего опасного.

Только записи про нашу жизнь. Наш город. Глупости в наших головах.

Однажды нас не будет, не будет и тебя. Как не стало ацтеков, этрусков и Атлантиды. Некоторые писали на глине и хрупких свитках – и все пропало. Некоторые не писали вообще – от них ничего не уцелело. Теперь ученые даже сомневаются в их существовании. А мы не хотим, чтобы в нас сомневались. Мы есть. И пока пишем, даже немного верим, что будем всегда. Кто знает?

Макс, Ника, Ася, Марти, Лева, Саша, Дэн, Крыс. 26 апреля 2006 года

* * *

Тетрадь в темной шершавой обложке лежала в дупле, пахла клеем и старой бумагой. Широкие клетчатые листы с нерасчерченными полями пустовали, все, кроме одного.

Пока.

Арка 1. Девочки-амазонки, мальчики-паладины

01.05.2006. Максим Гордеев

– А все потому, – назидательно сказал Зиновий Радонский, мешая в стакане дешевую бесхитростную «Кубу Либру», – что «Бараний клык» – нервный узел мира. Так и записывай, умник. Прекрасное начало для вашей повести, или что у вас там? На.

Максим не стал спорить. Просто отпил из стакана и снова взялся за ручку.

Что у нас там. Правда, было бы глупо начинать в другом месте. Третий год ходим сюда по вечерам, а иногда и днем. Это наш штаб (если думать о нас как об отряде), салун (если думать о нас как о ковбоях!) или даже второй дом (если по сути). Насколько может быть домом такая, прости, Зиновий, дырища. Ой, что это я? Обещал же себе писать красиво, как большой автор. Ну ладно, попробуем с другого бока.

Дубль два. Разводим пафос, и никаких дырищ.

Зеленый вокзал в асфальтовом венке транспортных колец – особенный. Под здешним мостом не живут тролли и феи, но чудес хватает. Например, тут словно

никогда не спят. Днем и ночью вокзал шумно дышит человечими потоками, поездами и надеждами. Здесь правит западный ветер. Он дует в Европу вопреки всем страшным сказкам о ней, дует от Минска до Венеции.

Наверное, я понимаю, почему «Бараний клык» именно тут, на Белорусском, а не на Казанском, Курском или, прости господи, Савеловском. Вот есть такие загадочные порталы: тихо-мирно прячутся в коридорах, а потом раз – выпрыгивают на тебя, и ты уже там. Типа... последний мостик между квартирой, купе и неизвестностью. Да, Зиновий, дружище, ты прав. Не это ли узел мира? Особенно учитывая, что сваливают от тебя в прекрасные места: Париж, Вену, а то и Ниццу. На вот тех самых трансъевропейских ветрах.

Хотя все равно представляю, как люди с тебя офигевают. Идут такие по галерее магазинов, книжных и кафе, ежатся от кондиционеров, вдыхают кофейную вонь из-за чистых стеклянных дверей. А в конце, перед самым выходом на перроны, вдруг покачивается под потолком деревянная табличка, где выжжено изображение огромного барана. И вместо двери – черная, почти театральная портьера, к которой только руку протяни.

Макс поднял глаза и начал грызть ручку: опять, опять кончились слова, да что ж такое. Все-таки быть первым ужасно, нужно было отдать это право кому-то еще, у кого язык лучше подвешен... ан нет! «Кто писатель? Ты писатель». Писатель, блин... В Великолепной Восьмерке было как минимум

две писательницы помастятее, но они прямо сейчас, хихикающая, попивали винишко на другом конце стойки под бдительным присмотром курсантки академии МВД, ведьмы, химика, медика и художника. Макс вздохнул.

– Ты пей лучше, – пробасил Зиновий и пододвинул стакан к нему поближе, потом потер лысую, как бильярдный шар, голову. – Чего? Прокрастинируешь?

Макс едва не расхохотался: ну откуда в лексиконе братка – а Зиновий выглядел как типичный браток – подобное слово? И ведь без запинки выговорил. Не скажешь, что большую часть времени беседует с сомнительными личностями или разнимает драки, вспыхивающие у дальнего бильярдного стола. Что может взять двух ругающихся за шеи, ласково столкнуть лбами до кровавых мальчиков в глазах, а потом столь же ласково плюхнуться на стулья и каждому вручить по стакану крепкого. Что его уважают даже уголовники и милиция, раз до сих пор не заставили ни дверь поставить, ни изъять из меню крепкий алкоголь, ни дробовик – может, сувенирный просто? – снять со стены над стойкой. И вот...

– Ничего я не прокрастинирую. – Макс грустно посмотрел в тетрадь, на свой крупный почерк. – Не знаю, о чем писать.

– Обо мнэ-э! – бармен гордо ткнул себя кулачищем-тыквой в грудь.

– О тебе уже есть и, думаю, еще будет.

– Тогда о них! – Он махнул на остальную компанию. Белокурая головка Аси сияла на фоне черных грив Марти и

Ники. Лева хохотал так, что зубы едва не светились. – Вы в конце концов... для чего затеяли-то это? Вести общий дневник? Только для потомков?

– Не думаю, – признался Макс, но осадил мысли, как неровистых коней.

– Вот и не думай, а пиши, – важно заявил Зиновий и удалился: кто-то из новоприбывших очень хотел излить ему душу.

Проводив его взглядом, Макс и правда глотнул рома с колой, в который раз страдальчески вздохнул и склонился над страницей. На самом деле... идея у него была. С чего начинается книга? Время, место действия и... герои?

В душе не знаю, что и кто должны тут быть первыми. Может, суровая Ника с роскошной фигурой Лары Крофт и потомственной тягой ловить преступников? Или бестия Марина-Мартина-Марти, с которой они вместе росли и которая на «ты» как с разной паранормальщиной, так и с черными готическими шмотками? Или моя Ася-Асёна-Серпентинка, чьи хвостики в стиле принцессы из «Бременских музыкантов» – просто свет в конце тоннеля, а игра на саксофоне божественна? И вообще, почему сразу дам вперед? Может, первым должен быть я? Макс Гордеев, «мастер, спортсмен и ученый», ха-ха-ха? Это Марти – любительница творчества Стругацких – так меня окрестила, смешав трех героев «Экспедиции в преисподнюю». И это никак меня не характеризует, так

как на следующий день она обозвала меня петухом. Нет, с себя начинать точно не комильфо. А вот дамам можно и уступить.

В умных книжках по писательству советуют давать героям пару метких характеристик, а не размазывать описания на километровые абзацы, – чтоб читатель не уснул. Выше я попробовал, так и продолжу. Последняя дама из нашей Великолепной Восьмерки, которую я пропущу вперед, – Сашка. Сашка Пушкина, да-да, так ее и зовут, не сомневайтесь, это не псевдоним. Сестрица моя духовная – русая, кудрявая и в знак мира во всем мире носящая на голове зеленую ленточку. А еще пишет. Сказки пишет... и эх как пишет...

Макс поднял глаза и, кажется, поймал Сашкин взгляд. Не понял, так ли это: подруга отвернулась, они с Асей опять чокнулись пузатыми бокалами с рыжим грузинским вином. У Марти был такой же. Крыс забрал его, хлебнул и переко-сился так, будто в него плюнули.

– Ма-акс, иди уже отмечать! – повернулась Ася; голос ее колокольчиком прозвенел в пьяном прокуренном гвалте. Сердце привычно екнуло от нежно растянутой гласной.

– Да-да, я дописываю! – уверил он и опять заставил себя сосредоточиться. Вздохнул: нет, правда, надо было доверить первую запись Пушкиной. Та никогда не боялась неправильно подобранных слов – и может, поэтому с легкостью подби-рала нужные.

Сашка, в отличие от меня-дурака, правда ухитрилась

вырасти в классного автора. Все доводит до конца, а сюжеты словно с неба берет. Кстати о «с неба»! Асёна и Саша тут написали сборник, «Сказки Заблудших Душ», основанный на их снах, и победили с ним в конкурсе. Летом напечатают. Интересно, когда мои курочки станут звездами, они задерут носы? Здесь должна быть минутка зависти, меня-то не печатают. Но это глупо, я слишком верю в моих курочек (ай!). И к тому же – эй, бедные мои незаконченные, сто раз переписанные книги про космонавтов и рыцарей-эльфов с кошмарными ошибками... – чего меня печатать?

Пока я не самозакопался, переключусь-ка на особе́й посимпатичнее и поумнее. На Дэна, например. Данилу. Нашего Левитана. Почему Левитан? Это первый художник, которого я вспомнил. Я вообще в художниках не разбираюсь, но Данька талант. И удивительно, как талант умещается в таком... эльфийском теле. Но Дэн не обидится, если я даже ткну его пальцем и посоветую: «Иди качайся, рисовальщик». И не нарисует на меня шарж с ослиными ушами. Это болтовня, что художники – существа мстительные. Некоторые почти святые. На святого он похож: спокойный и упорный. Чего стоит один факт: каждый день Дэн встает в шесть утра, чтобы к занятиям добраться в Москву от Наро-Фоминска. А после школы еще работает в художественном магазине. Носится как бельчонок, но будто и не устает. Впрочем... художники. Кто знает, на каких батарейках они работают?

– Hey, dude⁴. – На плечо легла тяжелая теплая рука; первым в поле зрения попал хромированный «Ролекс», поймавший корпусом свет из потолочного окна. – Меня тут парламентаром позвали. Мы же празднуем издание девчонок, нет?

Макс прикрыл текст ладонью, поднял голову и внимательно посмотрел в темные глаза Левки, полуприкрытые длинными каштаново-рыжими патлами. Лева оправдывал свое имя: рычал даже сейчас, когда говорил максимально дружелюбно.

– Да-да, я тут... экспозицию делаю, вот.

– Что? – Широкая, почти прямая бровь приподнялась. Левка был химиком-фармацевтом, с литературой общался формально. Тем более с литературным мастерством.

– Это, знаешь, такая штука, из которой ты узнаешь общую обстановку в книге.

– И какая у нас будет обстановка? – Лева покосился на тетрадь. Опасливо немного.

– Огонь-пожар! – пообещал Макс со смехом и дернул плечом. Левка понял, ладонь убрал. – Сейчас вот тебя увековечу и Кира, остальные все есть уже...

– Жду. – Лева деловито скрестил на груди руки, но глаза отвел – стал наблюдать то за посетителями, то за птицами, пролетающими над окном.

Оно в баре было необычной формы – в виде то ли розы ветров, то ли звезды. Большое, светлое, всегда идеально чи-

⁴ Эй, чувак (англ.).

стое, хотя, сколько Макс помнил, в баре никто не устраивал генеральных уборок. Зато он почему-то не сомневался: на плане вокзала этого окна нет. А может, нет и самого «Бараньего клыка».

Что ж, мою любовно выстраиваемую четвертую стену беспощадно ломают! А значит, я нагло нарушу порядок и расскажу о Леве, хотя он примкнул к нам последним. Но раз поговорили о Дэне, как не сказать о Леве?

И как только они поладили? Во-первых, один Ленский, другой Ларин, но это спишем на каверзы Сашкиного курчавого предка. Во-вторых, один – художник, другой – сын владельца холдинга, производящего лекарства, иммуноповышающие йогурты и биодобавки. Однажды Лева получит всю эту махину. Но дело в том, что Лева не любит получать, он любит добиваться, а интересуется чем угодно, кроме бизнеса. Отсюда в семье «буржуинов проклятых» вечные разборки: акула побольше, акула поменьше, а мамы-акулы, чтобы всех успокаивать, нет.

Гадать, почему Левка с Дэном дружат по-особому близко, можно вечно, чем и занимается Ларин-батя, Самуил, мать его, Иваныч. Но вы посмотрите на них. Дэн – худой, белобрысый, в вечно измазанных краской джинсах. Левка – по-львиному лохматый, с трехдневной щетиной, не то байкер, не то панк. Черная брутальная куртка – вещь, которая его батю особенно раздражает: он сам до золотых бандитских 90-х носил

ее в походы. Сизиф (это погоняло Ларина-старшего поминает иногда отец Марти и его коллеги из ОВД) не любит вспоминать советское прошлое. Акулы вообще стараются не вспоминать времена, когда не имели зубов.

Ладно, расфилософствовался опять. Пора заканчивать. Осталась одна неординарная личность, которую так просто, в двух словах, и не опишешь. Кирилл Романов. Он же Крыс.

Что о нем сказать? Странные глаза цвета красного дерева и цинизм, цинизм, цинизм. Вот правда, он не обидится. Впрочем, однажды моя мама, литературовед по образованию, сказала: «Все врачи – гуманнейшие на свете циники, и Чехов тому первый пример». С Антоном Палычем я знаком не был, но в отношении Кирилла, который будущий врач-реаниматолог, точняк. Он вообще вроде... клевый. Его любит Марти. И он любит Марти. Я их отношения не совсем понимаю, с другой стороны... может, у такой «дружбы с привилегиями» свои фишки. Я-то консервативен. И так или иначе люблю всех друзей. Пусть и без привилегий! Вот как-то... так. Боже, уже хочется все переписать.

– Так, я тебе перепису, – мрачно изрек Лева и закрыл тетрадку. – Пошли. Oh my God, неужели и я вот так буду тужиться?

– Ну кто тебя знает, – философски изрек Макс. Он-то давно понял: Левкина «негуманитарность» не порок, и пусть читает он избирательно, рассказчик из него мог бы выйти кру-

той. – Может, ты полюбишь наше Сокровище.

– Сокро-овище... – вздохнул Лева. – Сокровище – это лекарство от рака и ВИЧ.

– Которое еще изобретать. – Макс слез с барного стула и в который раз с неудовольствием вспомнил, что смотрит на Левку снизу вверх. Шириной плеч он друга превосходил, как, впрочем, и всех остальных, кроме Ники, а вот ростом был на третьем месте с конца. После Аси и Саши. – В общем, это... будешь вторым?

– NO! – Левка широко махнул рукой. – Я как-нибудь потом. И явно не сегодня.

– Угу. – Макс перехватил тетрадь под мышку и первым зашагал через толпу. Поймав взгляд Аси, расцвел: – Мои курочки? Простите, что задержался!

Задержался, правда. Зато все больше надеялся, что из затеи правда что-то получится. Не для потомков. Скорее для них самих. Великолепную Семерку из того самого вестерна объединяло большое общее дело. А Великолепную Восьмерку объединит дневник.

03.05.2006. Ника Белорецкая

Мы. Раздражало всегда это слово, что-то в нем есть от коровьего мычания. Жизнь так устроена, что почти любое «мы» превращается в «я», стоит запахнуть жареным. И я это знала с детства. Поняла, еще когда

мать, волчица наша гордая, свалила к новому ёбарю в Германию. Подцепила его в каком-то театре, а он возьми да и влюбись всерьез, так всерьез, что теперь детей у них трое. Родня ее быстро от нас отвалилась, у папы никого не было. Только я и осталась.

Как, оказывается, трудно вести дневники: мысли, о которых не подозревал, просятся на страницу вместо нормальных, да еще из памяти лезет всякое. Я стреляю лучше, чем пишу. Тройка за сочинение – предел. Ну, была. Пока я не свалила из школы после девятого. И правильно свалила, школа у нас дерьмище.

Так. Похоже, я придумала. Точнее, нашла. Не знаю, чего там от нас хочет Макс, но точно знаю, что читать про дерьмовые школы, всякую там травлю и прочее всем интересно. Может, и потомкам, если они случатся, будет?

Вот оно, начало всего. Когда мы пришли в 1-й класс, учительница кое-что про нас сказала. Завучу, в коридоре: «У меня вот в новом классе целых трое ментовских волчат...» Тонем не то «Блядь, за что?», не то «Бедные дети». Завуч только головой покачала. Я пересказала папе, он посмеялся. И отвел глаза.

«Ментовские волчата». Сначала я думала, нас двое: я и Марти. Но оказалось, Макс тоже, правда, отец у него не из милиции, а военный. Хотя для учителей все одно, для детей тоже. Чем больше взрослею, тем больше понимаю: так будет всегда. И «приличные люди погон не носят» тоже. Для мира без формы вся на свете милиция, прокуратура, армия состоят из злобных

пришельцев. Или оборотней, да, скорее так. Рожающих ментовских волчат.

А завучиха вообще-то про нас не знала ничего. Не знала, например, что меня из садика вышибли, когда я пацана побила. Ебанутый был – раз в пару дней выпускал какой-нибудь чужой плюшевой игрушке кишки, загребал набивку пальцами и под рев хозяина бубнил: «Кишки-и, смотри-и». Ну а я что? Заломала ему руки и пообещала сломать. Ну да, мне года четыре было. Ну да, мои игрушки он не трогал, я только машинки любила, а машинки были неприкосновенны. А что? Теперь-то в академии, на предметах вроде криминальной психологии, я знаю, что правильно сделала. С игрушек многое начинается. А пацана я поймала, когда он нашел розочку от бутылки и решил повторить фокус с живой кошкой. С Джулькой нашей, которая при садике жила и рожать собиралась. Марти потом сказала: «Ты, может, лишила мир целого маньяка!» Я люблю порядок. Спокойствие. Тишину. И уничтожу все, что это нарушает. Всех тех, кто трогает других живых существ. Такая я, тоже ебанутая.

Ну черт его знает. Я зубрю как не в себя, но даже у профессуры моей пока нет ответа на вопрос, откуда маньяки – и просто жестокие люди – вообще берутся. Вроде «Все от семьи», а вроде не всегда. У Марти вот папа, даром что тоже МВД-шник, как мой, – лапочка. И тетя Вероника – лапочка, я ее и своей мамой считаю, до сих пор помню, как она в перерывах между репетиторством и сеансами гаданий варила нам

тыквенную кашу. Отпад был: она вся такая в образе ведьмы, с ногтищами и стрелками, с набеленным лицом помахивает деревянной ложкой, а параллельно кому-то по телефону объясняет про do, did, done. 90-е, ух. Встратое время. Вообще, наверное... хорошо, что папа, получив из садика свою «злбную гарпию» (то есть меня) и поняв, что ее (да-да, меня) надо днем девать куда-то, вспомнил об однокласснике. О папе Марти. И мы стали расти вместе. Нас так и звали – «МартиНика» и принимали за сестер: мы даже одевались похоже. Ведь одежду мне на папины деньги покупала тетя Вероника. А к чему я это вспомнила-то? А. Да. К тому, что Марти, при том что родители у нее добрые, стервозина. Это я любя, но все же.

Короче, ментовские волчата. Слова эти означали порванные тетрадки, разбитые носы, выброшенные в окно портфели. Мы еще не знали об этом, но нам сразу в школе не очень понравилось, все казались ну... тупыми. Кто-то читать едва умел, кто-то в носу ковырялся, кто-то верил в призрак Кровавой Училки и прочую хрень. Мы и не играли ни с кем, сидели на подоконнике и болтали – о мультяшках в основном, типа за кого из черепашек-ниндзя вышли бы замуж. Когда компанию стал составлять Макс, не помню. Подоконник казался высоченным, и Макс помогал нам туда влезать. Замуж за Лео или Рафа он не хотел, но в Эйприл О'Нил был немного влюблен, как все. Потом мы стали убегать на переменах во двор, играть в баскет. Макс стал нас провожать. Он всегда ходил один, отец за него не

боялся. Помню, тетя Вероника однажды встретила нас у подъезда, пригласила попить чаю и, смеясь, заметила: «С таким кавалером я вас хоть в горы отпущу». Макс, видимо, запомнил: теперь увлекается скалолазанием.

Но насколько на него правда можно положиться, мы поняли только классу к третьему. Когда тупенькие детишки начали потихоньку превращаться в звезданутых подростков. Нет, я и про себя так говорю, но это факт.

– Машка-а, Машка-а!

Семенов остановился у парты, за которой Марти и Ника решали примеры из домашней работы. Наклонился, дыхнул мятной жвачкой в лица. Была продленка, классная отошла, задание подвернулось просто засада: ну кто сует в эти цифры столько скобочек и дробей? У Ники кипел мозг. Марти, которой явно хотелось отвлечься хоть на пару минут, смилостивилась и подняла глаза.

– Ку-ку, – голос у нее уже тогда был тягучий и низкий, хотя она еще не курила, – напомним для идиотов: я Марти. Что?

– Списать дай, – буркнул Семенов. – Машка.

Ника тоже посмотрела на него. Вечно так – всю продленку выцарапывает на партах слово «жопа», а потом клянчит домашку. Чтобы спокойно гонять мяч и пялиться в телик.

– Сам решай, – бросила она. – Времени еще полно.

Семенов сощурился. Он вообще-то был довольно симпатичным: светленький, плечистый, остроносый, всегда в чем-

то спортивном, но чистом и опрятном. Да, он был мальчиком мечты. Пока не открывал рот.

– Не тебя, Белорецкая, спрашиваю, захопнись, – осадил он.

Давно знал: у Ники не списать, она пошлет как пить дать. А вот Марти бывала добродушнее, пусть и сопровождала щедро раскрытую тетрадь неизменным «Ла-адно, тупым надо помогать». Но сейчас Марти среагировала предсказуемо: завелась. Как всегда, когда «сестренку» обижали. Она оглядела квадратное Димкино лицо, фыркнула и демонстративно закрыла тетрадь.

– Вали в туман. Эти дамы дают только джентльменам. И списать тоже.

В ряду справа кто-то радостно захихикал, в ряду слева по воздуху пронеслось тягучее «Ш-шала-ава». Ника все-таки прыснула: вот Марти, как сказанет, ухочешься. Но вкрадчивый голос из-за спины мигом выбил смех из ее горла:

– Дима-а... Дим, ну так же нельзя. Ты правда тупица, что ли?

Алина Остапова сидела за спиной Марти и поглаживала длинную косу, перекинутую через плечо. Этим вычурным колоском Ника всегда любовалась, хотя Алинку не выносила. Он приковал взгляд и сейчас, все внутри зашло от зависти: Нике вот кос не плели, хотя волосы тоже были длинные, густые, блестящие, да еще кудряшки. Коса день за днем напоминала: некоторые семьи полные, у некоторых девочек

есть не только папа с пистолетом, который так занят, что его как бы и нет.

– Ась? – недопонял Димка и, похоже, хотел посоветовать захлопнуться ей тоже: знал, что Алина с математикой не дружит, ловить нечего. Но та, поймав Никин взгляд, с удовольствием закончила:

– Ты дай им денег. И они тебе все решат. У нас вся милиция так работает.

И снова эти звуки: хихиканье с одного бокового ряда, тягучее «С-су-ука» с другого, в этот раз ряды поменялись местами. Димка хмыкнул, а потом заржал в голос, так, что выпавшая изо рта слюнявая жвачка шлепнулась на тетрадь Марти. Точно на лицо зеленокожему Леонардо, выставившему навстречу невидимому врагу катаны.

– Ой, прости. – Димка сделал невинные глаза. Но не перестал ржать. – Это че, парень твой?

В этот раз предательски заржали на обоих рядах. Марти не повела ухом, с костяным перестуком опустила ручку на стол. Но жвачка, казалось, ее не волновала: обернувшись, она пристально посмотрела только на одну обидчицу – на Алину. Та усмехнулась:

– Чего пялишься, чучундра лохматая? Тоже не поняла?

«Чучундра» была за дело: Марти, как и Ника, носила длинные волосы, тетя Вероника их отрезать пока не давала. Говорила, что в них вся сила. Как у какого-то библейского, что ли, героя. Но волосы были пусть прямые, зато жесткие,

густые. Правда, ведьминские. Марти расчесывала их на каждой перемене. Это не помогало.

– Да. Еще раз. – Говорила она мирно, даже слишком, и Ника уже догадывалась: это плохой знак. – Ну-ка, помоги тупым понять твои намеки. Мне, – она осклабилась, подняла изгаженную тетрадь и показала Алине, – и моему парню.

Как и всегда, Ника восхитилась ее иронией. Алина ничего пояснять не стала: ухмыльнулась, вынула из кармана десятку и помахала в воздухе. Пропела:

– На чипсы хватит вам обоим! Так что, примерчик решите?

Марти вздохнула и вернула тетрадь на стол, но только скрипнула зубами. Повернулась снова – и продемонстрировала два средних пальца. Ника решила добавить два своих, но не успела: Алина махнула купюрой у Марти перед носом, потом и перед носом Ники.

– Ну?.. – не унималась она. – Чипсы с укропчиком. Или с сыр... ААА!

Следующее, что Ника запомнила, – это хруст. Приятный такой хруст, с которым Марти, намотавшая чужой колосок на кулак, приложила Алину лицом об парту. Очень быстро, очень сильно, и тут же, вскочив, надавила ей на затылок.

– Мразина! – зашипела она. – Сопли свои лучше жри!

Раздался визг; на тетрадку и купюру потекла кровь. Алина задергалась, но освободиться не могла. Марти была невысокой, худой, но очень сильной. Вряд ли из-за волос. Просто

родители давно купили ей шведскую стенку и гантели.

– Мой. Папа. Не. Берет. Взятки. – Пальцы Марти сжались крепче, она уже выдрала Алине клочок волос. – Он всех спасает, поняла? И нет никакой «всей» милиции, есть разные милиционеры, нормальные и козлы, поняла? Повтори!

– Ой! – взвизгнул кто-то в боковом ряду.

– Эй! – воскликнул и Макс. Он, слушавший плеер и, похоже, успевший задремать, почуял неладное только сейчас, подорвался. – Марти! Ника!

Ника видела: у Марти стали холодные, пустые, незнакомые глаза, но не чувствовала привычного желания заступиться за «того, кого обижают». Скорее хотела обидеть сама. И обидела – Димку, стоящего столбом. Схватила жвачку, отлепила от тетрадной обложки и сунула ему в волосы. Была готова, что получит в челюсть, но не получила. Димка, кажется, ничего особо и не заметил, только отмахнулся. Ему было на что посмотреть.

– Ебанутые... ебанутые, – повторял он с нелепым восторгом.

– Повтори! Повтори! – требовала Марти, вдавливая Алинино лицо в парту, а та пыталась расцарапать ей лицо, но не дотягивалась.

– Брейк! – Подбежал Макс, схватил Марти в охапку, оттащил, приговаривая: – Тихо, тихо, Шредер просит пощады!

Грохнула дверь – Димка выскочил из класса. Остальные либо продолжали сидеть, втянув головы в плечи, либо под-

ходили, собирались в гудящий злой кружок. Алина с трудом выпрямилась. Она хныкала, ее нос был здорово разбит, губы тоже. Капало на кофту, на юбку, на парту. Так же замороженно, как недавно на колосок, Ника смотрела на кровь и по-прежнему не чувствовала... ничего. Шутки шутками. Но сегодня они вышли на какой-то новый уровень, от которого тянуло блевать.

– Дура! – наконец обрела дар речи Алина и тоже вскочила, сжала кулаки. – Батя тебя убьет, да у него друзей на рынке нашем... – дальше ничего понять не удалось: Остапова закашлялась от попавшей в горло крови. Подбежала Умка – Лизка Наумова – и принялась вытирать ей лицо, подобострастно вторя:

– Да этих всех убьют рано или поздно! Или посадят! Или...

– Я папе скажу... – надрывалась Алинка. Ее коса тоже была в крови и напоминала теперь пожеванную веревку. – Вы нормальные вообще? Вы...

– А не он у нас наркотой на районе барыжит? – не выдержав, выпалила Ника. – Может, его посадим? И тебя с ним? По кругу пойдешь...

Алина задохнулась и рванулась из рук Умки.

– Да вас в клетки, вы ментовские волчата!!!

– Дай я ей вьёбу! – заорала в унисон Марти, пытаясь отпихнуть Макса. – Ну дай!!!

К счастью, сцепиться опять они не успели. Ника за себя

не ручалась.

– Что здесь происходит? – На пороге появилась кругленькая запыхавшаяся Людмила Ивановна. Из-за ее плеча выглядывал Димка. – Это что, я вас...

Сама все рассмотрела. Охнула, навалилась на дверь и закусила ярко накрашенные губы. Наверняка вспомнила то, что сказала завуч. «*Наплачешься*». Ну правда, каково это, когдаходишь ты в свой класс, а там все в крови? И десятка два злых или испуганных глаз.

– Марина, – собравшись, заговорила классная руководительница. Теперь она нервно расправляла невидимые складки на зеленой блузке. – Подойди-ка сюда.

Марти подошла: взгляд в глаза, гордо поднятая голова и дрожащие острые коленки. Кулаки то сжимались, то разжимались. Марти трясло. И Нику, присосшую к стулу, тоже.

– Это что такое? – Классная прижала руки к груди. – Ну что сегодня? То Белорецкая, то ты... что опять? С таким славным папой такие выходки...

– Алина сказала, что мой замечательный папа взяточник, – бесцветно ответила Марти. – Поэтому она сука.

– С-стукачка! – прошипела Умка. – Сама с-ука!

Людмила Ивановна молча уставилась на Алину. Поняла, что спрашивать бесполезно: та рыдала и истекала кровью. Остальные одноклассники тоже молчали, ничего не подтверждая и не опровергая. Быть просто суками было лучше, чем быть суками-стукачами – это правило усвоили все. И терпеть

это дальше было невозможно.

– Ребят... – начала было учительница. – Ну как так...

– Да вы сами виноваты! – зло вмешалась Ника, вставая. – Вы первая нас *так* назвали. Волчатами, мы слышали! Почему вам... кажется, что с нами что-то не так?

– Я? Мне не... – заблеяла было она, но Макс ровно перебил:

– И если вам так кажется, зачем стыдить Марти ее папой? Это что вообще? Наши родители как бы родине служат, защищают всяких... – он произнес такое умное слово, что у Ники голова кругом пошла, – плебеев, а вы...

– На хуй пошел, – зашипела Остапова. Может, она тоже уже знала, кто такой плебей.

– Ребята, я... – Но тут учительница осеклась, заливаясь краской от шеи до ушей. Она никогда не умела врать и оправдываться, одна из немногих во всей школе, поэтому Ника ее запомнила. Если Людмилу Ивановну вдруг ловили даже на маленьком вранье, она просто краснела и теряла дар речи. Такое редко бывает со взрослыми.

– Слушайте. – Макс, похоже, совсем распалился. – Если мы какие-то «волчата», то вы – коровы, бараны и козы! – Он махнул кулаком в сторону Алины, потом со шмяком впечатал этот кулак в свою же вторую ладонь. – Заткнитесь уже, а? – Он вышел к доске и повернулся к классу. – Займитесь собой. Кто еще про предков вякнет – отпиздим!

– Гордеев! – схватила за сердце Людмила Ивановна. –

Ты... что за слова? Вон! – Она спохватилась: – И мать! Мать в школу! Какие плебеи, у вас еще истории не было!..

Но Макс, несколько не смущенный, просиял и вдруг отвесил ей шуточный поклон.

– Историю лучше учить пораньше. Целее будешь. И умнее.

Он подошел к парте и сгреб в рюкзак Марти все тетради. Закинул его на плечо, подхватил сначала Никин портфель, а потом и свой и вразвалку направился к двери.

– Мои курочки? Гулять! Хотите мороженого?

И мы реально просто взяли и ушли под вопли, визги, слюни и сопли «плебеев». За нами так и закрепились «волчата», но докапываться до нас побаивались, выбрали тактику попроще. Нас не существовало. Как и Норки, звезды олимпиад по математике. И полной застенчивой Снежи, сочинявшей стихи. И Васьки, рисовавшего комиксы. Он рисовал здорово. Правда, заикался – и его дразнили дебилем. Так и жили. Дебилы, ботаники, жирдяи, волчата и «нормальные». Плебеи.

В пятом классе пришла Ася. Тихоня-музыкант с легкими, нелепо высоченными белыми хвостиками, перетянутыми детскими резинками hello kitty. Эти резинки с рынка орали о нищетолюбстве громче, чем тусклые свитера с катышками. Железняковы переехали с Урала. Переезд, видно, стоил дорого.

К тому времени в классе уже все произошло. Это в биологии называется «географическая изоляция». Ну,

третий ряд состоял из ботанов, дегенератов и страшил. Там сидели, например, мы трое, Снежа, Вася, Дрыщ (Вова, маленький и бледный, какая-то болезнь сосудов) и жидовки (хотя и христианки!): Норка и Лорка Герц. В ряду было всего одно свободное место. За второй партой, рядом с Максом.

– Ребята, принимайте! – Анна Петровна, новая, еще почти не пуганная руководительница пятого «А», улыбнулась. Она держала смуглую, унизанную кольцами руку на плече невысокой блондинки в блузке и юбке. – Ася Железнякова, новенькая. Приехала к нам из краев изумрудов, аметистов, руд...

– Железяка! – тут же заржали в среднем ряду. – Руда – это ж железо, да?..

– Надеюсь... – у классной побелели губы, но она, стойко игнорируя вопрос, продолжила: – Ей будет тут хорошо, и она найдет друзей. Асенька, садись.

Девчонка испуганно заозиралась. Наткнулась на взгляд Андрея Шанского, Шакала. Тот плотоядно улыбнулся и ухитрился даже сидя изобразить пару возвратно-поступательных движений тазом. Алина и Умка захихикали. Четверо парней их поддержали. За всем этим с интересом наблюдали висевшие на желтых стенах портреты писателей. Гоголь хмурился, Пушкин сочувствовал, Достоевский осуждал. А впрочем, он все осуждал, без разбора.

– Ася, выбери место. – Анна Петровна прошла к столу и

взяла журнал. Руки у нее дрожали. Ника видела это по тревожному переливу камешков в кольцах.

Казалось, новая классная ничего не сделает, только взглядом умоляла не быть скотами хоть раз. Ее нам и дали-то, потому что она преподавала уже пятнадцать лет, надеялись, что она-то нас усмирит. Не-а. Она неважно себя чувствовала с нами. Как на минном поле: где рванет? Кто кому сломает челюсть или подожжет волосы? Никогда не угадаешь!

Но это поначалу. Мы при ней расслабились, поняли, что ничего, в принципе, не поменяется. Можно как раньше: получать хорошие оценки и петь военные песни на праздниках, а под шумок бить друг другу морды и выдумывать обидные прозвища. Быть образцовым классом, где шесть отличников и всего один двоечник, – ну, в общем, во всем образцовым, кроме адекватности.

А зря. Есть штука в учителях, которая мне очень нравится, кстати. И кажется очень справедливой. Разок прогулявшись по минному полю дерьмового класса, они сами становятся минами. Такими же, как мы.

– Садись ко мне, свободно! – позвал девочку Макс и убрал на пол рюкзак.

Ася нерешительно прошла к нему. Присела на краешек стула, начала доставать из сумки тетрадку, учебник, старый пенал. Макс удержал ее ручку, покотившуюся с парты. Девочка случайно задела его ладонь своей и вздрогнула. Макс улыбнулся.

– О, железяка примагнитилась! – пропел Шакал. – Штаны спускай, Петух!

В лицо ему тут же прилетел учебник – от Марти, острым углом в щеку. И испачканная мелом тряпка – от учительницы, чьи кольца ярко вспыхнули в солнечном воздухе.

– Знаешь, что, тварь малолетняя? – устало спросила она, расправляя сухощавые плечи и вытирая руки о юбку. – Закрой-ка рот, а то тебе штаны спустят и выпорют.

– Плебей, – добавил Макс.

Над классом зазвенел привычный злой смех, и только Ася вжала голову в плечи.

07.05.2006. Саша Пушкина

Привет, тетрадка! Два имени, которые придумал тебе Макс, – Сокровище и бред-коктейль – тоже ничего, но я буду звать тебя просто «тетрадка». Не люблю я пафос. И слово «бред».

О чем бы таком тебе рассказать... Придумала! Сегодня же 7-е! 7 мая. Это знак. Семерка – мой амулет. По нумерологии, одно из главных чисел. И мама, и папа у меня родились 7-го – он в апреле, она в январе. А я родилась 9-го, в мае, но все равно. Люблю семерку. И расскажу я, тетрадка, о лете после 7 класса.

Короче. Когда я была мелкая, ну, поменьше, чем сейчас, я, как и многие знакомые, мечтала о крутом детском лагере «Остров приключений». Он выезжал

на лесистый островок на Волгу. Каждую смену он превращается в отдельную планету, где можно бегать, устраивать дискотеки, плавать и веселиться. Нетландия, только вместо пиратов и фей вожатые и бобры.

Путевки были дорожные, но школа дарила их лучшим ученикам. Узнав об этом, я с начала 7 класса поставила цель. Сократила годовое количество четверок с семи (роковая цифра!) до трех штук. Провела несколько праздников: все почему-то считают, что я создана быть ведущей. Ну и еще я выиграла пару районных соревнований по бегу, бегаю я, как говорила физручка, лучше страуса. И я получила путевку! Я почти всегда добиваюсь того, чего хочу. Ну если правда хочу, конечно. И если сама Вселенная мне говорит: «Давай, Санька, давай, тебе это надо!» А мне явно было надо. Ведь именно там, в лагере, я нашла Аську, Нику, Марти и Макса, в класс к которым потом перешла.

Смена началась с того, что нас разделили на отряды со смешными названиями: «куницы», «кролики», «медведи», «волки», «совы», «ласточки». Зоопарк расселили по корпусам. Знамена напоминали знаки факультетов в «Гарри Поттере», только их было больше. Мне не одной так показалось, соседка, едва мы заселились, сказала: «Интересно, а Слизерин есть? Слизерин – это самые гады». Гадов мы тогда не нашли, все казались милыми. Здесь я бы пошутила, что мои гады ждали меня впереди, но они – мои гады, особенно одна гадючка, которая точно все прочтет, – меня сразу побьют!

На самом деле шучу, конечно. Просто вот это – почему я сюда так рвалась – стало понятно почти сразу, на первом же крупном событии «Острова». Это было традиционное ориентирование: ну, вожатые завели всех глубоко в лес, дали каждой группе по компасу и по карте с маршрутом и удалились к берегу реки – как говорили знающие, «бухать». А нам предстояло пройти чащу, несколько оврагов, бурелом и найти флаг с эмблемой отряда. Глава нашего, одиннадцатиклассник, очень хотел побыстрее присоединиться к вожатым, там вроде была его девушка. В результате оказалось, что карту он второпях держал неправильно. Мы забрели в болото. К тому времени уже стемнело.

С этого обычно и начинается все самое интересное. Так и вышло.

Саша прихлопнула комара на коленке и перепрыгнула на очередную кочку.

– Антон! Танька! Нам же сюда!

В ответ – только тяжелый всплеск где-то далеко и пара «ку-ку». Стараясь удержать равновесие, Саша оперлась на деревянный шест, но он тут же начал уходить в жидкую грязь. Болото недовольно забулькало, точно сетуя: «Не буди меня, не буди-и».

– Э-эй?! – позвала Саша еще раз. Продолжая держаться одной рукой за шест, она достала из бокового кармана рюкзака фонарик и посветила вокруг. Никого. – Вот блин!

Шест уже утоп наполовину. Саша выдернула его и сно-

ва осветила фонарем, выбирая кочку понадежнее. Один из широких бугорков, поросших черникой, привлек ее внимание. Она оттолкнулась, прыгнула... и нога провалилась в холодную мерзкую топь. Хлюп!

– Вот бли-и-ин... – Саша выронила фонарик и наугад ткнула шестом вперед.

Нащупав почву, попыталась подтянуться и поняла, что вторая нога тоже теряет опору. Решив не тратить силы на вопли и не задумываться, насколько болото глубокое, Саша налегла на шест посильнее. Ну-у, она же спортсменка! Захрустели ломаемые кем-то ветки, но затем все снова стихло. Видимо, лесные духи не сочли такую неуклюжую спортсменку достойной помощи. Ну и козлы!

– Ничего, партизаны справлялись – и я справлюсь... – пробормотала Саша, сосредоточенно выдергивая ногу из грязной жижи. Она пока не паниковала, только очень сердилась на нелепость всего происходящего. – Вот же... Антон... чтоб тебя...

– Справишься, – ответили вдруг ей, и с довольно близкого расстояния. Ветки хрустнули снова, и совсем рядом нарисовалась фигура. – Ну или... хех... утонешь!

Лесной дух? Тогда у духа была железная хватка: Сашу взяли за подмышки; от неожиданности она даже не успела испугаться и повторить «вот блин» в третий раз. Ее уверенно потащили вверх. Она выпустила шест и совсем успокоилась: от спасителя вполне по-человечески пахло жевательными

конфетами, чем-то вроде «Скитлз».

– Ну... привет, а? – заговорил спаситель. Оказавшись на твердой почве, Саша попыталась рассмотреть его, но без особого успеха: парень как парень, на полголовы выше, широкоплечий, в непромокаемой куртке. – Все хорошо?

– Да, спасибо. – Она попыталась очистить кроссовки, но тщетно: они теперь сами напоминали грязные кочки. Спыхватилась: – И вообще спасибо, я правда чуть не повторила судьбу Лизы, то ли Бедной, то ли Бричкиной. – Она взглядела в него еще раз. – Ты кто? С лагеря?

– С лагеря, ага, – закивал он и оживился. – Я Макс! – Помедлил. – «Зори», кстати, тоже люблю, вещь мировая! А вот Карамзин усыпляет.

Невольно Саша улыбнулась: в ее классе парни не то чтобы любили читать, максимум – осиливали краткое содержание. Подумала еще раз. Нет, она точно не помнила этого Макса. Она вообще мало с кем пока успела познакомиться, как-то не клеилась дружба, хотя обычно Саша легко со всеми ладила. Она утешала себя тем, что все дело времени. Это же тяжело – вливаться туда, где многие давно друг друга знают.

– Потерялась? – сочувственно уточнил Макс. – А мы того, отдыхаем. – На последнем слове он прихлопнул комара на руке. Получилось грозно.

– А где все наши? – не поняла Саша. – Уже с вами?

– «Наши» – относительное понятие! – философски изрек Макс.

– Ну, команды... – растерялась Саша.

– А-а, да фиг знает! Наверно, еще ориентируются. – Прозвучало довольно снисходительно, как «малыши резвятся». Макс потянулся, убил еще одного комара и как ни в чем не бывало предложил: – Ну, почапали?

– Куда?.. – теперь растерялась Саша. – Надо же дистанцию продолжать.

Но его это, судя по скептическому «Хм...», явно не вдохновляло.

– Не. Давай лучше посидишь с нами, посушишь кроссовки, перекусим... – Не дожидаясь даже кивка, он вручил ей фонарь и взял за другую руку большой шершавой ладонью. – Тут можно споткнуться, посвети. И это, не навернись.

Ну, он хоть не собирался исчезать, как леший, это радовало. Да и в обуви хлюпало так, что Саша решила правда послушаться – не хватало еще заболеть! Макс явно был опытным лагерником. Умнее казалось пойти с ним, чем искать остальную команду наудачу.

Лес спал, влажно поскрипывая ветками и вздыхая порывами ветра, – точно почесывал себе во сне бока. Бормотали лягушки в топи, шелестели листья. В остальном была тишина, и Саша с Максом шли, не нарушая ее. О чем думал парень, Саша не знала, а сама гадала, к какому отряду он может принадлежать и почему все-таки пренебрегает правилами. Все вон с картами бегают, знамена ищут, а ему... пофиг? Она даже решила спросить об этом, но не успела: впереди

замаячил теплый рыжий свет, слышались голоса. Девчачьи вроде, несколько. Такие же уклонистки?

– Кто там? – спросила Саша, пытаясь через заросли разглядеть фигуры у костра.

– Мои курочки! – радостно и громко сообщил Макс, смахивая кустарник с пути. – Две курочки-чернушки и одна курочка-хохлатка!

Одна из фигур сделала резкое движение – и в парня полетел кусок коры. Он уклонился, снаряд упал в траву. Удовлетворенный приветствием, Макс потопал на поляну, Саша за ним. Костер горел бодро, плюясь в небо снопами искр. Отблески плясали на траве, на стволах деревьев, на лицах сидевших у огня девчонок. Их и правда было трое.

– Мы думали, ты заблудился, – строго сказала та, которая кидалась корой. – «Курочки», блин... Детский сад, трусы на лямках!

Она устроилась, подложив под спину рюкзак, а сейчас приподнялась на локте. На поляне было светло, и Саша разглядела: глаза у нее темно-зеленые, а ресницы длиннющие, угольно черные. Накрашенные или свои? Вообще красивая: высокая, с кудрями до поясницы. Выглядела на шестнадцать, старше остальных. Особенно из-за груди, которая... которой... как с такой живут вообще? Бегают, например, или спят?

– Ма-акс, где ты был? Мы же волновались! – Это пролепетала вторая девочка, кутавшаяся в свитер. Ее высокие свет-

лые хвосты колыхались при каждом движении. Серые глазницы остановились на Саше, девчонка открыла рот для нового вопроса, но Макс уже уселся рядом и начал отвечать на первый:

– Я занимался работой, которая не нравилась еще Маршаку.

– Чего? – не поняла та, но рядом тут же раздался хриловатый голос:

– Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота. Только это не Маршак, это Чуковский. И бегемот на бегемота не похож.

Третья девчонка сидела ближе всех к костру и жарила сосиски на шампурах. Она обернулась и улыбнулась тонкими, ярко накрашенными губами. В зрачках играло пламя, придавая острому лицу безумное выражение. Впечатление довершали встрепанные, жесткие темные волосы и худые руки с непропорциональными кистями. Инопланетянка какая-то, бр-р. Внешность броская... вот ее Саша вроде видела, но когда?

– Да, правда, Макс, это еще кто, из какого отряда? – лениво поинтересовалась первая девушка, садясь и откидывая за плечо прядь. – Диверсантка? Барсучка? Сова?

Ну хоть кому-то тут еще было дело до разделения на команды и дистанции!

– Я куница, – подала голос Саша. – Привет. А вы все кто?
– Ласточки, – отозвалась та и сощурилась. – Что ты здесь

делаешь, палишь нас, что ли? Мы же сейчас тоже должны мерзнуть в потемках с этими идиотами.

Она явно наезжала. «Идиоты...» Саша смутилась и хотела ответить, что никого не палит, а идиоты скорее те, кто не соблюдает правила вожатых и разводит в лесу костры, но не успела: за нее вступилась «инопланетянка», добродушно попросив:

– Никусь, ну расслабься уже, а? Не пугай человека, это новенькая, наверное. Ты от своих отбилась, да, куница? – Она отодвинулась от костра, начала снимать сосиски и раскладывать их на куске фольги. – Есть хочешь? Устала? Я вроде тебя уже видела где-то, не? Ты не из 363-й школы? Как тебя зовут?

Ух как она тараторила. Саша выгрехала из потока слов вопросы, представилась и подтвердила:

– Вообще да. Я учусь в седьмом «Б», в 363-й.

Девчонка без удивления кивнула.

– А мы из седьмого «А».

Вот тут я выпала, помню. «Адские ашки»! Ух, многие мои одноклассники ненавидели их, и учителя, и завучи. Говорили о них мутно, наша классная, Сюзанна Геннадьевна, попросила к ним не приближаться после того, как на замене они довели ее до слез. «Колония и психбольница», – бормотала она, капая себе валерьянку. Что я знала про ашек? У них была успеваемость лучше, чем у нас, а еще они, как всем казалось, здорово пели на праздниках. Правда, здорово:

до сих пор помню их «Нам нужна одна победа», на 9 мая того года, мурашки по коже от голосов, будто эльфы или призраки. Но тут хорошее заканчивалось. Ашки дрались и ругались; их девочки, самые богатые, стебали всех, кто плохо одевался; мальчики до всех домогались, а еще были какие-то (если б я знала!) «ментовские волчата, которым всех лупить можно!» Ну... такое. Мы с ашками и не общались, отлично дружили между собой, параллели сторонились, хотя несколько наших парней забили их парням стрелку из-за Сюзанночки... судя по их расквашенным лицам на следующий день, зря.

А я вот не вникала, даже в лицо ашек особо не запоминала, кроме Марти: она так красилась и одевалась, что трудно не заметить. А теперь вот: сидят рядом, предлагают мне сосиски!

– Я Мартина, – оживленно продолжала инопланетянка, явно не замечая, как Саша насторожилась. – Ну, по паспорту Марина, но я с детства привыкла, поэтому можешь звать меня Марти. Вот это, – она кивнула на сердитую подругу, – Ника. На самом деле она добрая, просто замкапитана. Это Ася, она зайчик и наш свет, – она указала на светловолосую девчонку. Та робко улыбнулась. – Ну и Максик, наш Пэтух. Вечно всех спасает, хохмит и вообще страшно бесит общественность.

«Пэтух», потянувшийся за сосиской, подмигнул. В свете костра Саша наконец рассмотрела лохматый ежик русских во-

лос и серо-голубые глаза, прямой нос и невыразительное, но живое лицо. На шее висел крестик. Саша вспомнила почему-то одну из любимых книг, «Алые паруса». В издании было много картинок, даже портрет Грея. Тот утонченный аристократ мало напоминал Макса, но Саша-то видела Грея другим. Грей в ее воображении был похож на этого веселого парня. И хотелось улыбнуться ему в ответ.

– Ты замерзла? – сочувственно нарушила тишину Ася, и Саша очнулась от наваждения. – Дрожишь... сними кроссовки, поставь к огоньку.

Нет, не скажу, что они сразу мне понравились и я поняла: ага-а, вот мои друзья до гроба. Ничего подобного. Подумала я другое. Ника – задавака, смотрит противно. Я позже поняла, что другого выражения лица у нее почти не бывает – из-за тяжелых век, глубоких глаз и четко очерченных губ. Ася – пугливая тихоня, чего она жметя к Максy, боится, что украдут? Я еще не знала, как ей трудно заводить друзей. А Марти странная. Ведьма с летающей тарелки. И чего на троих один парень? Симпатичный, конечно, но один. А с другой стороны, «адским» мне никто из них не показался. Я вообще не уверена, что ад существует, а если и существует, вряд ли из него вылезают, чтобы ходить в школу. И я решила присмотреться. Посушить кроссовки. Поесть. Смело взяла сосиску, нереально вкусную и пахнущую елкой!

Марти была в сережках-ключиках. Их латунные спинки

ловили блики костра. Она перехватила задумчивый Сашин взгляд и сказала:

– Людям почему-то нравится этот символ – ключ. Даже если они понятия не имеют, какой замок этот ключ открывает. Может, просто надеются, что хоть где-нибудь такой замок есть и за дверкой лучше, чем в окружающем дерьме. Забавно, да?

– Наверное, замок правда есть, – неловко пробормотала Саша. Она удивилась, что разговор так резко повернул в какое-то философское русло.

– А ты так уверена, что за дверью что-то хорошее? – Марти прищурилась.

– А ты уверена, что плохое? – Саша потерла лоб. Она плохо понимала в абстрактных дверях.

– Я всегда верю в худшее. Так удобнее жить, меньше разочарований. – Марти улыбнулась, полезла в рюкзак и извлекла сначала термос, потом стаканы и, наконец, бутылку и штопор, которые вручила Макс: – Ну, кому что? Кагор хороший, крымский.

– Мне чай! – попросила Ася. – Вдруг еще кто-то придет, а мы тут...

– Пьянствуем, – хохотнул Макс, продолжая жевать и передавая открытую бутылку обратно. – Аська трусиха! Марти, мне винища. Как подлинному Цезарю!

– Сам ты!.. – обиделась Ася, и Саше стало ее жалко. – Я просто... ну...

– Нет уж, давайте сначала разберемся. – Ника продолжала рассматривать Сашу как врага народа. Вот ни капельки не расслабилась, пусть и отвлеклась на еду. – Скажи, с тобой есть кто-то еще? Что ты здесь забыла, на болотах? Их же вообще нет в маршрутах.

Теперь и остальные уставились с любопытством. Ух, только бы не прогнали. Но, похоже, они просто ждали какую-нибудь увлекательную историю.

– Да наш главный – придурок просто, – честно ответила Саша, шевеля пальцами ног: носки тоже сняла, положила к огню. – Я вообще не знаю, где все остальные. Наверное, уперлись в другую сторону. Я заблудилась.

– Наоборот, это они лошары, собаки Баскервилей на них нет! – рассмеялась Марти, передавая ей стакан с вином. – Ну давай!

Саша торопливо отказалась:

– Спасибо, я много не пью. А почему наоборот?

– Так лучше? – Мартина одним глотком осушила стакан наполовину и снова протянула. – Ну, для согрева, как мой папа говорит! Если что, я без герпеса и ВПЧ.

Было неловко: опять они все пялились, будто экзамен какой-то принимали. Саша решила больше не выбиваться и сделала глоток; кагор оказался сладким и правда согрел. Но горло защипало, сразу захотелось водички.

– О-ой! – Если вино такое, то водка-то какая? Зато экзамен «зачли»: Марти и Макс заулыбались, даже Ника оттаяла.

Саша прокашлялась и торопливо закусила вино сосиской. – Так почему наоборот-то?

– Потому что вожатые бухают на левом берегу, в полукилометре отсюда, через опушку, – сказал Макс, с удовольствием вытягивая ноги. – Вы кругами ходили. Так специально маршруты строят, чтоб подольше шастать. Но есть и короткие, пусть сложные, пути. Вроде этого, через топь. Мы его давно отыскали.

Саша повертела головой, пытаясь хотя бы понять, откуда пришла. Нет, темно уже.

– Отлично, куницы опоздают и не найдут флаг, – заявила Ника злорадно.

– Не, последними будут медведи, как всегда! – возразила Марти.

– Я бы поставил на кроликов, – прокомментировал Макс. – У них Белкевич капитан, а он даже в баскетболе кольцо свое забывает.

– А какими будут ласточки, если вы вообще не проходите маршрут? – резонно поинтересовалась Саша, но Ника только фыркнула:

– А ласточки всегда будут первыми, Саш. Мы ездим на «Остров» уже третий год, а капитанша Катя – девушка вожатого Яши. Флаг мы нашли за пятнадцать минут.

– И где остальные ласточки? – допытывалась Саша. В каждом отряде было человек по восемь. – Надеюсь, не утонули, как я могла? – Она неловко засмеялась.

Ника и Марти переглянулись. Кажется, им было забавно объяснять простые вещи.

– На берегу, – пояснил за них Макс. – Мы привыкли, что команды блуждают долго. Сейчас еще посидим и пойдем туда, начнут подтягиваться волки и олени. А когда все допрутся, будем топить проигравшую команду в речке!

Все рассмеялись, предвкушая веселое зрелище, а Саша вздохнула. Если честно, ей и самой задание «пройдите маршрут и найдите флаг» показалось скучноватым. Теперь она и вовсе чувствовала себя глупо. Одни по болотам с мокрыми ногами бегают, другие вон, сосиски едят и вином запивают. Нормально разве? Честно?

– А вам не кажется, что тупо – такие соревнования делать? – спросила она. – А если что-то случится? Мы без призора ходим...

– Да не нагнетай, все всегда путем! – Макс пожал плечами. – За всеми смотрят на самом деле, и мы друг друга не бросаем! – Порывшись в карманах, он вытащил мобильник. Набрал номер и, дождавшись ответа, радостно забасил: – Алё, Яш, куницы, походу, заплутали, вышли кого, а? Одну мы, кстати, в плен взяли, че нам за это будет? Ниче? Обидно! – Он нажал отбой и снова развалился на траве. – Кайф! Весь лагерь бы так... не люблю самодеятельность. Всю эту пионерскую хрень...

С этим Саша была частично согласна. Если бы флаг хоть нужно было украсть у противника или сделать еще что по-

настоящему соревновательное... а так? Хотя дальше обещали несколько больших и интересных штук вроде конкурсов на самое красивое ожерелье из шишек, самую крутую постановку «Питера Пэна» и самую большую пойманную рыбу. И лучшую лунную походку на дискотеке, конечно же. Она улыбнулась.

– Не валяйся на земле! – Ася сердито дернула Макса за руку.

– Хочу и валяюсь, нечего командовать, – вяло трепыхнулся он.

– Яйца отморозишь! – заявила она, и Марти дурашливо протянула: «О-о-о!»

Саша едва ее не поддержала: Асю она знала минут двадцать, но уже удивлялась тому, что слово «яйца» может сорваться с ее губ. Ася ткнула Макса в бок, и он все-таки поднялся, буркнув:

– Вечно ты ко мне пристаешь. Ну не будет у меня детей, тебе-то что?

Так я и поняла, кто в этой компании кому нравится. Нет, не скажу, что загрустила, я ожидала подобного. Это просто. Я не гений в психологии парней, но наверняка когда дружишь с тремя разными симпатичными девчонками, в одну неизбежно влюбишься... не знаю. Может, в универе мы изучим теорию вероятности, и я предложу преподу такую задачу. Самой мне ее не решить.

Марти вытащила из кармана пачку сигарет.

– Никто не против? – Она выудила одну и принялась прикуривать от костра.

– Ты куришь? Давно? – удивилась Саша. В «Б» никто еще не курил.

– Она пафосничает. – Макс зевнул и схватил очередную, кажется, пятую сосиску. – Выпендривается, короче. Хотя у нас многие по-крупному дымят.

– Не выпендриваюсь я. Расслабляюсь. – Марти затянулась и с наслаждением выдохнула дым к небу. – Ба-а-алуюсь.

И она улеглась на траву, закрыв глаза. Вид у нее стал более мирный: ни дать ни взять вождь команчей на отдыхе. С очень маленькой трубкой мира, но все-таки.

– Я еще съем, ладно? – Ника хищно впиалась зубами в сосиску. – Они вау!

– Толстей, Ника, толстей! – хихикнула Ася и поежилась. – Холодноовато.

Макс снял куртку и набросил ей на плечи. Она благодарно улыбнулась и прислонилась к нему. Высокий хвост защекотал Максу щеку, тот, фыркая, сдул его вбок. Саша почему-то засмотрелась на это зрелище. Что-то в нем было... почти киношное. Красивый кадр.

– Знаете, ребята, – снова подала голос Марти, – в такие вечера я понимаю, что иметь друзей прикольно. Да и жить вообще... ничего так.

Она все лежала и не сводила глаз с вылетавшего изо рта

сизого дыма, почти даже не моргала. Вождь краснокожих явно впадал в транс и заговаривался. Ника, которой это не понравилось, подползла к ней, отобрала сигарету и, кинув в костер, строго велела:

– Хватит, подруга. Сядь, не кури, тебе еще рожать и все такое. Давай допьем вино.

Марти сморщила нос, но все же села и потянулась к бутылке.

– Макс, будешь?

– Не, – отозвался он, опять сдувая Асин хвост. – Хочу жить не только хорошо, но и долго, а для этого мера нужна в возлияниях!

Марти, хихикнув, разлила остатки вина пополам и чокнулась с Никой, затем слегка коснулась своим стаканчиком стоявшего рядом с Асей термоса.

– За нас. И за тебя, Сашка. – Девчонки, все трое, вдруг отсалютовали ей.

Саша как-то опешила. За нее еще никогда не пили, не считать же тосты взрослых на днях рождения? Тем более странно, когда за тебя вдруг ни с того ни с сего пьют незнакомые люди. Твои ровесницы. Твои странные ровесницы. И это было... приятно? Но она даже не успела пролепетать «Спасибо».

– Звезд много, – задумчиво сказала Ася, подняв голову. – Лето хорошее будет.

– Когда повзрослеем, перестанем смотреть на них, да? –

Марти ответила невпопад, грустно и, вылив несколько капель вина в костер, добавила: – Жаль. – И как ни в чем не бывало принялась за сосиску. По подбородку потек блестящий жир.

– Хрю-хрю, – сказала Ася.

Мартина расхохоталась, запрокинув голову, а потом дурашливо завывла волком.

Разговоры у них тоже были странные. Не привыкла я к таким, только в книжках героини-подростки рассуждают о звездах. Бэшки мои чаще говорили о фильмах, о шмотках, о музыкальных группах и журналах. Эти ребята любили другие темы. Может, в ад их записали и из-за этого тоже? Тех, кто думает иначе, ведь часто боятся.

– А ты хочешь повзрослеть? – Марти убрала в рюкзак пустую бутылку и теперь, усевшись по-турецки и слегка покачиваясь, внимательно смотрела на Сашу. Она казалась пьяной – но только казалась. Скорее проверяла что-то.

– А что значит повзрослеть? – растерялась та. Не удержавшись, поинтересовалась напрямик: – Ты, наверное, взрослая, раз куришь и пьешь?

Мартина усмехнулась. Вряд ли обиделась, но взгляд у нее стал изучающий, колючий. «Ага, значит, будешь мне дерзить?» Не привыкла к такому, и друзья ее не привыкли: Макс даже рот приоткрыл. Но ответила она просто и неагрессивно:

– Наоборот. Это оттого, что я еще «рэбёнок», как говорит

физик. – Она улыбнулась, раскинула руки с видом победительницы. Крайне довольной победительницы. – Я как раз смирилась, Сашка. Мы малявки, потому и правила нарушаем, и считаем это крутым. Не искать флаги, таскать в рюкзаках кагор, курить и трахаться раньше, чем в школе расскажут про никотин и половое воспитание. У каждого должен быть вот такой годок-два, на «перебеситься», так мама говорит. – Она сощурилась и пошла в ответную атаку. – Так что, хочешь? Быть большо-ой взрослой тетей?

– Не знаю, – честно сказала Саша. Она никогда об этом не задумывалась. – Я... ну всегда считала, что идет как идет. Повзрослею – что-то пойму, неважно, буду я этого хотеть или нет. А что-то понимать перестану. – Невольно взгляд обратился к небу. Оно правда было сегодня невероятно красивым. – Но про звезды постараюсь все-таки не забывать. Они ведь всегда рядом. Единственное, что всегда рядом.

– Я тоже, – сказал вдруг Максим. Саша поймала его серьезный взгляд, и краска прилила к щекам и ушам. Ох... – Все говно оттого, что забывают важное. Звезды. Или истории всяких Лиз.

– Хотелось бы мне быть так в этом уверенной, – покачала головой Марти. Она отчего-то вдруг расстроилась или напрыглась. – А ты, Ника, как думаешь?

– Я думаю, – сказала Ника, откладывая шампур и вытирая губы, – что причина всего «говна» – человеческий долбоебизм. Забывать нельзя только про окружающих, про осталь-

ное – сколько душе угодно. А вообще, хорош пиздеть, а? – Она дотянулась до термоса и хлебнула чая. – Собираться пора, правда ведь спалимся.

Она была права: по ощущениям, времени прошло немало. Макс вытащил большую бутылку с водой и начал заливать уголья, Марти, Ника и Ася тем временем запихивали оставшиеся вещи в рюкзаки. Саша торопливо шнуровала кроссовки.

– Гоу! – скомандовала Ника, вскочив. – Пошли, куница!

Она двинулась вперед первой, Макс и Ася тоже ускорили шаг. Марти задержалась: подняла голову и посмотрела вверх. Саша услышала, как она тихо сказала:

– Однажды я буду совсем взрослая, буду сидеть на причале у моря и смотреть... и все будет не так. Возможно, совсем. Но я не забуду.

Звучало вовсе не романтично. Как-то жутковато и тревожно. Еще и ветер опять поднялся, Саша от него поежилась и обхватила себя руками за плечи. Марти тем временем сделала еще несколько шагов от костра и обернулась:

– Шевелись, чего стоишь? – Тут она поняла, что ее услышали, и натянуто рассмеялась. – Если бы сейчас с неба упала звезда, получилось бы совсем как в паршивом кинце вроде «Загадай желание», а? С обменом тел. Хорошо, что жизнь не Голливуд делает, а какие-то ребята посерьезнее, да? Пошли.

Саша подождала, пока Марти скроется за елями, и проворботала:

– Я тоже не забуду. Что бы это ни значило.

Уходя, она еще раз глянула вверх. Все звезды прочно сидели в своих небесных гнездах, но почему-то от этого было скорее спокойно, чем грустно. Одна звезда вдруг блеснула особенно остро и таинственно подмигнула лиловым. Саша отвела глаза и пошла за остальными.

14.05.2006. Мартина Лукина

Ну, сюда и я дорвалась. Не удержалась, как всегда плюнула на правила и прочла, что понаписали остальные. Не мое это – быть честным игроком в мире шулеров. Представлюсь еще раз: Мое Величество Мартина-Марина-Марти, гадючка, ведьма, ментовский волчонок и много чего еще.

Звучит дико, да, но про меня вечно говорят противоположное. Так, будто я – франкенштейнов монстр, сшитый из десятка людей: хороших, плохих, умных, глупых, честных, лживых, талантливых, бездарей. Но правда ведь, всё это я. Такая вот. И мне ок. В отличие от большинства друзей я воспринимаю свой характер как форму ушей или носа, не пытаюсь менять, нежно люблю и лелею каждого тараканчика в голове. И на судьбу, в общем-то, не жалею. Бог сказал – я живу. Как могу. Что-нибудь еще?

Хотя не буду скрывать, некоторые тараканчики здорово мешают. Но проблема в том, что именно такие,

как правило, и не вытравливаются.

– Марти, какого цвета моя аура? – спросила Сашка.

Был октябрь; они прогуливали школу в зоопарке. Ника откололась: ушла провожать к воротам заблудшего ребенка. Ася с Максом кормили голубей у пруда, а Саша с Марти стояли возле каньона с макаками. Марти нравились макаки, их кривляние как стиль жизни. Духовные сестры, не иначе. Услышав вопрос, она криво усмехнулась и потушила сигарету. Ее часто спрашивали о подобном, а она это не любила. Могла бы повернуть время вспять – не призналась бы никому в талантах и Нику заставила бы молчать. Но при всех талантах время Марти подчинять не умела и продолжала расплачиваться за детскую болтовню. Тогда ведь это казалось чертовски привлекательным – быть в глазах подруг помесью Прю Холливелл⁵ и Сабрины Спеллман⁶.

Марти вздохнула. Листья вокруг были слишком рыжими, небо – слишком синим, а обезьяны – слишком веселыми. Настроение располагало к честности. Саша ждала. И Марти, слегка откинув голову, лениво ответила:

– Морская волна. Красивая.

– А что это значит? – Глаза Саши возбужденно заблестели. Было видно: волнуется. Долго подступалась к вопросу,

⁵ **Прю Холливелл** (полное имя Пруденс Холливелл) – персонаж сериала «Зачарованные».

⁶ **Сабрина Спеллман** (полное имя Сабрина Виктория Спеллман) – персонаж серии комиксов Archie Comics «Сабрина – маленькая ведьма».

ведь не так давно примкнула к компании.

– Ничего. – Марти зевнула, сощурилась и постаралась улыбнуться. – Значит, что ты счастливчик. И хорошая.

– А еще? – не отставала Сашка.

– Творческий потенциал. Здоровую щитовидку. Стойкий характер.

– А еще? – Саша пощупала свое горло.

– Скорее всего, долго проживешь и никогда не останешься одна.

– А... – начала Саша, и Марти потеряла веки. Та самая «аура цвета морской волны» реагировала на эмоции: расширялась, сокращалась, рябила. Вообще бурно себя вела в сравнении с ровненьким цыплячьим ореолом вокруг Аськи и красным – вокруг Макса.

– Или просто у меня глюки, – заявила Марти, чтобы как всегда свернуть разговор и сделать как можно несерьезнее. – А на самом деле аура у тебя розовая в желтый горошек. И кстати, у человека вообще много разных полей, кроме ауры. И нитей, которые от него идут к другим. И демонов над головой.

Мда. После такого нормальный человек к тебе вообще не подойдет или начнет креститься. Но Марти все больше убеждалась: нормальных людей на свете маловато, а среди ее друзей и знакомых – так точно. Они осаждали ее, то спрашивая про сглазы, то прося вызвать дух умершего родственника, то украдкой подсовывая кулон или колечко и опасно

уточняя: «Можешь посмотреть, есть проклятье? Мне вот подарили, а я себя стал чувствовать плохо». Даже учителя так делали. За снятый сглаз или «очищенную» от «дурной энергии» квартиру можно было получить пятерку по физкультуре или истории. Не то чтобы Марти была против, мама велела помогать... одно расстраивало: это постоянное «А может, у меня глюки?» Хотя людям вроде становилось лучше.

– Все равно здорово, – задумчиво сказала Саша. – Ты много видишь. Да, Марти... это круто. Даже если у тебя глюки.

– Ты тоже много видишь, – отозвалась Марти. – Вон какие истории сочиняешь!

– Это же другое, – удивилась Саша. Марти энергично мотнула головой:

– Знаешь, я вот тоже вижу истории. Много-много, разных-разных. Как яркие фильмы в голове. Но сажусь – и не могу записать.

Правда: истории вокруг Марти роились. Почти все были жуткие, про каких-то ведьмаков и мертвецов. Они приходили сразу целиком, готовые сюжеты, над которыми не надо было думать, но Марти отмахивалась. Проблема ее историй была в... реальности. Например, однажды ей увиделся проклятый капитан на корабле-призраке, а потом она ввела такой запрос в Сети и нашла почти в точности похожую легенду. Это повторялось. Мама говорила: «Не бойся, все мы немного в контакте с мертвецами, главное не... задерживаться рядом». Марти не собо и хотела.

– Можешь попробовать снимать кино тогда, – улыбнулась Саша.

– Угу... – Марти опять потеряла веки.

Они замолчали. У пруда Макс засмеялся и бросил кусок хлеба к ногам Аси. Туда устремилась стая жирных, круглых, как антистрессовые мячики, голубей. Одна птица даже попыталась атаковать Асину руку: в руке был пирожок. И тут Саша заговорила снова:

– Слушай, Марти... а можешь сказать, за кого я выйду замуж?

У меня замечательные ДрузьяШки. Мне вообще удивительно везет на хороших людей, и если они задерживаются рядом, я быстро начинаю их любить. Когда оказывается, что мои друзья в чем-то запутались или во что-то вляпались, мне страшно. Это одна из немногих моих слабостей. Но самая сильная.

– За незнакомца. – Марти взяла Сашину руку, взгляделась в довольно красивый рисунок линий. – У тебя тут несколько многообещающих веточек на сердце. Видишь?

– Какая главная? – Саша наклонила голову. Она-то на своей ладони видела максимум дерево, а не сложный набор жизненных развилок.

– Не знаю. Так получилось, что любовь – последнее, что меня интересует, когда я гадаю. Одно могу сказать точно. – Марти заставила голос звучать шутливо. – Макса тебе не видеть. Не бойся, это счастье написано на руке у Аськи.

Едва ли хорошая шутка, скорее наоборот. Но Марти устала молча наблюдать за тем, что происходит у новой подруги в голове. Не ее дело, и... все-таки. И Ника говорила: «Как бы не поругаться». Все-таки они четверо были, в том или ином виде, семьей, а Сашка – ее новым членом. Хотелось, чтобы она, такая замечательная, осталась, чтобы скорее забыла, что пришла позже, чтобы чувствовала себя счастливой. Но как это было трудно! Марти и сейчас затаила дыхание, готовясь даже извиняться. Но Сашка, поправив ленточку в волосах, ровно ответила:

– Я знаю. – Она помедлила, потупилась и все же спросила: – Наверное, я веду себя глупо, да? Они ведь... обалденная парочка.

Красивая, да. Аська как села к Максy в пятом классе, все там стало понятно. Толстый белобрысый купидончик витал над ними без перерывов на сон и обед, примеривался, чтобы поразить одной стрелой, – и поразил в последние зимние каникулы. Конечно, в этом союзе Марти тоже многое напрягало – например, почти полное нежелание Аси иметь увлечения, отличные от увлечений Макса, а также его тотальная слепота на этот счет. С другой стороны, пока они были счастливы. А завтра будет завтра.

– Ну, мне Пэтух тоже нравился, – вздохнув, решила подбодрить Сашку Марти. Уточнение «лет в восемь» она замяла. – Недолго, правда. Сейчас смешно даже, он вообще не мой типаж, мне... – Она посмотрела в сторону. Там про-

шел мужчина в брендовом плаще, с потрясающей выправкой. Марти залюбовалась.

– Эй! – одернула Саша. – Что «тебе»?..

– Мне нравятся мужчины за тридцать, – рассеянно откликнулась Марти, – похожие на папу. Хотя вообще здорово это – быть влюбленной. Даже несчастливо.

Сашка не кивнула, но и не заспорила. Ее аура горела сейчас ровно и печально.

Ого. Вроде что-то получается. Лучше, чем с сюжетными историями. Может, не зря я решила поступать на издательский факультет вместо киношного: конкурс попроще, а сферы пересекаются. Да и Аська с Сашей туда собираются, а я... ну что скрывать, я тоже зависима от друзей.

Но сейчас, если честно, дотянуть бы до выпускного. Нет, не то чтобы я ненавидела школу, но от всего, от нее в том числе, мы рано или поздно устаем. Я так и вовсе устаю быстро; может, мне нужно было драпать вслед за Никой после девятого, не знаю. С другой стороны...

С другой стороны, нет. В десятом классе я многое поняла.

Забавно, но вывернулось-то все – и «ментовские волчата», и наши драки, и всякие идиотские шутки – не так однозначно, как можно было ждать из-за записи Никусика. Никусик – злючка, но история у нее немного своя. Точнее, наши истории разошлись. Ника права: много школьных вещей заслуживают того, чтобы их похоронили. Но не все. У нашего адского класса были

разные дни. Из дней нашей жизни можно было бы сложить витраж.

Есть, например, там розовый кусочек, который Ника не помнит, – это яблоки. В саду у нас, знаете, растут яблони, большие, красивые. А мы раньше обожали те яблоки трескать, делали это вплоть до урока про радиацию, когда нам сказали, что от «городских» фруктов может случиться рак или вырасти хвост. Но некоторые, я, например, и после этого иногда ели, потому что вкусно. Сладко, сочно, похоже на чупа-чупс.

А еще есть черный кусочек витража, черный-черный, обугленный и огромный. Об него мы все порезались. И о многом задумались. Черный кусочек – это Лора и Нора.

Стайка девчонок выпорхнула из школьных ворот и помчалась по улице. Цокало несколько пар каблучков, бухало несколько пар платформ, смешивались разные духи в одну волну, вился шлейф сигаретного дыма. Лорка набросила на плечи куртку и, продолжая разговор, выпалила:

– Это уже точно. Мы с Русланом поженимся в мае!

Нора энергично закивала. Сестры взяли за руки и переплели пальцы. Свет блеснул в тонком колечке у Лоры на безымянном и в ее темных глазах.

– Но тебе нет восемнадцати! – ахнула Аська. – А ему есть... давно.

Марти молчала. Руслана она помнила: парень лет двадцати пяти, русый, с пирсингом в носу. На зеленом «ягуаре»

часто приезжал забирать сестер. Вроде они познакомились с Лоркой перед каким-то киносеансом. Да, точно, зацепились языками возле плаката «Хроник Нарнии» и стали обсуждать библейские мотивы.

– А можно пораньше, если родители разрешат, а мне разрешили! – улыбнулась Лорка, и веснушчатое лицо ее зарделось. – Он же хороший такой.

Хороший. А еще держит свой ночной клуб, прилично зарабатывает. Марти знала: Лоркины и Норкины родители без «гаррипоттеровских» заморочек насчет чистоты крови. Вообще приятная, понимающая семья. Мама как-то раз гадала маме близняшек, была в их доме, так ее там даже ужином накормили. Только вот...

– А тебе... – начала Ася озадаченно.

– Шестнадцать! Мне уже шестнадцать! – Лорка помедлила. – И... секрет, ладно?..

Она замялась. Девочки с любопытством ждали, даже те, кто не очень с ней дружил. Удивительно, но близняшек никогда не обижали по-серьезному, не задирали, классу к восьмому перестали звать жидовками. Есть такие люди, которых почему-то любишь, даже не общаясь близко. От них идет что-то такое светлое, приятное... живое. К тому же было интересно: чужая почти-взрослая, почти-настоящая-большая жизнь. Парень-бизнесмен, как из сказки. Свадьба. Платье. Марти тоже ждала, но параллельно продолжала вспоминать, что нагадала этой семье мама. Лора неуверенно произнесла:

– Я же беременна. Норка крестной будет. А вас... вас я на свадьбу позову, ладно?

Некоторые девочки даже завизжали, другие запрыгали. Ася опять ахнула, хватая Марти под руку – и кубарем вышибая из мыслей.

– А-а-а! Лорка, поздравляю!

– Что бы тебе подарить... – Марти посмотрела Лоре в глаза, беззаботные, счастливые. «Горя я много увидела, Маришка, горя. Но, может, это меня прошлое их сбивает, у них же родные в лагерях умирали, а такое не стирается. Свадьбу я нагадала. И внуков ранних. Вот. А про горе промолчала, непонятное оно, черное и мутное. Может, и не случится. Попросила только внимательно следить за проводкой и газом».

– Главное, приходи. – Лора улыбнулась в ответ. Марти поборола порыв взять ее за руку и взглянуться в ладонь. – Весь класс хочу, мы ведь семья, да? И мальчишек! Позовете мальчишек?

Оберег. Нужно подарить ей оберег. Какой-нибудь камешек заговоренный.

– Позовем, Лор. Постараемся. А хочешь, папа... папа вам еду со скидкой продаст для свадебного стола? Под ним же рынок уже весь, у нас там и кошерный ларечек есть.

Это ответила Алинка Остапова. Она, нежа красивое лицо на солнце, тоже улыбалась. Сильно выросла за последний год, привычным осталось только то, как поглаживала толстую, длинную пшеничную косу. Лора подскочила к ней и...

чмокнула в щеку. Алина не поморщилась, а хихикнула и обняла ее в ответ.

– Скоро перекрашусь обратно в рыжий, – сказала Лорка, подкрутив свой черный локон. – Хочу быть настоящей. Снова. С собой. Здорово быть собой...

«Здорово быть собой». Марти тихо повторила это про себя. Компания свернула во дворы и притормозила у выкрашенной в канареечно-желтый многоэтажки; Лора и Нора побежали к подъезду. Нора скрылась первая, а Лорка, прежде чем последовать за сестрой, обернулась и помахала рукой:

– До понедельника, девочки!

Солнце играло в ее густых волосах. В субботу эти волосы превратились в угольки.

Ее труп в гробу закрыли черным брезентом: лицо не уцелело. Никто так и не узнал, почему тот дом сгорел, но он сгорел весь. Обугленная желтая канарейка... полная мертвецов. Какое-то проклятье, правда, из всей семьи только Нора и выжила: ночевала у друзей. А мы... да крыши у нас поехали, что еще скажешь? Мы все были на похоронах, все принесли цветы и почти все поцеловали Лорку – ее скелет – сквозь этот брезент. А потом мы стали дружить. Ну, почти дружить. Прекратили оскорблять и стебать друг друга. Курить теперь бегали вместе, табуном. И... яблоки. Мы вспомнили те яблоки, они как раз созрели и начали падать.

Когда мы из церкви вышли, один наш парень, Дрейк,

все ходил туда-сюда и повторял: «Я буду верить, что она просто улетела. На Бали. Пьет там коктейли и катается на серфе». Мы все кивали. Уверена, многие думали о том, что Лорка на Бали никогда не хотела, она хотела только в Иерусалим – все время шутила, что разбудит свою внутреннюю еврейку и отправится туда, потому что слышит зов. И Руслана увезет.

Я не знаю, куда все мы попадаем после смерти, даже мама не знает. Может, каждого вообще ждет какое-то свое место. И может, все наши прижизненные странствия – из садика в школу, из школы в институт, из института на работу, а оттуда в какое-нибудь страшное место, например на войну, – это только репетиции последнего путешествия.

Я жду свою. Мы все ждем. Скорее бы школа кончилась.

20.05.2006. Данила Ленский

Не знаю, как мне-то начать. Может, с того, что я тут лишний? Немного лишний, что ни говори. В школе. И даже в городе.

Нет, Москву я люблю. Полюбил еще в детстве, когда родители брали меня на работу в театр, полюбил со всеми пробками, взрывающим голову шумом и какими-то особенно грязными, наглыми воробьями. С яркой листвой и Кремлем. С недовольными лицами автобусных обитателей, просящимися на карикатуры.

Наверное... я бы хотел тут жить. Когда-нибудь. Но зачастую сюда я только потому, что год назад решил сблизить нужные мне точки, прочертить линию между учебой, курсами и работой. Самый простой способ был сменить класс.

Школу свою я все равно не любил, с детства слыл там блажененьким («Да че ты, Даник, все художники – педики! И батя твой – педик, а ты вообще откуда тогда взялся?»). Привязываться к новой не собирался, на старости школьных лет не заводят неземную дружбу. Старшие классы – время сплотившихся стаяк, куда тебе вход уже воспрещен. Особенно если ты «педик», «блаженный» и «лимита». Я знал это и потому не переживал. Такой он – путь джедая.

Вряд ли первый понедельник в новой школе мог начаться хуже: Дэн проспал, опоздал на электричку, приехал после звонка и только тут обнаружил пятна краски на джинсах. Красные, на коленях, – будто он кого-то убил, а потом еще поползал по окровавленному трупу. Ожидаемо охранник не захотел пускать его – горой преградил путь на лестницу и собрался читать нотацию. Даже начал: раздулся как бульдог, ткнул под нос часы.

– Ну и где мы были?

Дэн всмотрелся в пухлое, вроде доброе веснушчатое лицо. Извинился, неловко забормотал про электричку, но вскоре потерялся в словах и по-детски уступил:

– Я больше не буду. Правда. Я никогда не опаздываю.

– Все вы так говорите, – начал напирать охранник, почуяв слабинку и уперев руки в бока. – Говорите, а потом лохматые являетесь, в непотребном виде, вот ты...

– Это краска, не кровь! – сглупил Дэн, и маленькие из-за пухлых щек глаза стали еще меньше:

– Кр-ровь? – Охранник будто услышал только последнее слово. Оглядел запачканную джинсовую ткань и спохватился: – Та-ак, может, мне вообще милицию...

Дэн скрипнул зубами, затравленно осмотрелся – и опять наткнулся на этот бульдожий взгляд. Он не любил спорить, не умел, как говорила мама, «качать права», а потому просто старался все всегда делать правильно. А еще он прекрасно видел, что опаздывает все больше. Как бы вообще не пропустить первый урок...

– Ну пропустите, пожалуйста, у меня контрольная! – попробовал он снова.

– У кого? – «Бульдожий» настрой только усилился, а Дэн, вот досада, от волнения забыл имя учительницы.

– У... – оставалось только назвать кого-то наугад, в надежде, что выгорит, но, к счастью, тут ему пришли на помощь, да так, что он подпрыгнул. Охранник тоже.

– Отста-авить! – прогремело на весь вестибюль, сочно и басисто. – Беспреде-е-ел!

К лестнице подошел высокий мужчина лет пятидесяти, в защитной рубашке. Она напоминала скорее гимнастерку: с большими карманами, широким поясом, только портупей

не хватало. Тяжелой была и обувь, явно не сменка. Солидные боевые берцы.

– Человек рвется к знаниям, зачем задерживать? – уже тише изрек мужчина с важным видом. Отзеркалил позу охранника: упер в бока руки. Да, не бульдог уже. Овчарка. Немецкая. – Иди, Слав, судоку разгадывай. Я тебе «Крота» свежего вон на стол кинул.

Пока Дэн гадал, кто это может быть, выбирая между обжшником, трудовиком и физруком, охранник вдруг завял, буквально вытянулся в струнку и, энергично сдавая назад, пробормотал:

– Так точно, товарищ директор, Анатолий Викторович... сэр! Спасибо!

Вот это «сэр» Дэна и добило. Даже больше, чем «товарищ директор».

Мужчина кивнул, властно отмахнулся и двинулся к лестнице. Шел он быстро, чеканно. Дэн подумал – и увязался за ним, надеясь выяснить, где обитают десятиклассники, ну и, может, поблагодарить. Новая школа неприветливо обступила его зелеными стенами; по ступеням шаги зазвучали как-то гулко, словно каждый падал в невидимый колодец. Бр-р... хотя дома было круче. В старой школе из стен местами что-нибудь высыпалось, например известка, окурки или дохлые мухи.

На середине первого пролета директор соизволил-таки оглянуться, заметил преследование и даже первым завел бе-

седу:

– Что-то я тебя не видел. – Глаза его, темно-карие и мерцающие под густыми бровями, словно угли, сузились, но вроде беззлобно. – Новенький, да?

Дэн представился, назвал свой класс, сказал неловкое «Спасибо» и под ленивый кивок все-таки уточнил:

– А вы что, всех знаете в лицо?

Тут же он спохватился: может, для нормального директора это и обычное дело. Это его старенькая Марьеопольдовна из Наро-Фоминска путала даже спортивный зал с актовым, не то что учителей и учеников.

– Допустим, – кивнул Анатолий Викторович, не углубляясь в подробности. – И... что привело?

Вопрос был, может, и с намеком: то ли «Большой уже лось, чтоб школу менять», то ли «Вид у тебя немосковский», но Дэн решил не обращать на это внимания:

– Ну, я здесь недалеко работаю, езжу вот из своего города...

– Кем работаешь? – продолжился допрос. Даже странно. Шпионов, что ли, ищет?

– Курьером. – Дэн помедлил. – И продавцом. В художественном магазине.

– Продавцо-ом... – протянул директор тоном пооживленнее и вдруг радостно фыркнул. – Думал, скажешь, «менеджером», у нас теперь все, кто что-то впаривает, – «менеджеры». Менеджер по впариванию кисточек, ась, как тебе? – Он под-

мигнул и словно стал еще на пару градусов добрее. – Сам рисуешь небось? Штаны все в краске...

– Есть немного. – Дэн чуть выдохнул. Хоть не спросили «Кого зарезал?»

– Маковое поле рисовал?.. – Директор возвел к потолку глаза, прокашлялся и продекламировал: – «Качают маки головами над тихой Фландрии полями...»

Что удивительно, угадал. Маки Дэн и рисовал. И усатого длинноволосого офицера среди них. Но от деталей он решил воздержаться: кому это интересно?

– Штаны почисти. И не носи джинсы, у нас уже год форма, хоть всем плевать. И будешь стенгазету выпускать, во! – Безапелляционно заявив это, директор подкрутил ус. – Так, десятый, говоришь, «А»? Четвертый этаж. Пойдем провожу, все равно надо проведать, как они там...

Прозвучало странно. Будто путь лежал как минимум в больничную палату. Дэн притих.

В кабинетах, мимо которых они шли, кипела жизнь: учителя опаздывали, ученики болтали. Кто-то орал во всю глотку, и явно за кем-то бегал, и ржал конски. Играла музыка. Ничего необычного. Ничего тревожного. А вот за дверью, у которой директор остановился, оказалось тихо. Как-то... могильно.

– Контрольная? – спросил Дэн уныло. Накликал. Когда охраннику соврал.

Анатолий Викторович... директор... сэр... промолчал и

открыл дверь. Его напряженная спина была очень прямой.

В классе сидело двадцать ребят, и все молчали. Никто не открыл окна, воздух казался спертым. Жужжала одинокая муха, громче самолета. В тон ей жужжали лампы под потолком.

Заметив директора, все встали, по кивку – сели. Некоторые посмотрели на меня, но во взглядах не было вообще ничего, чего я ждал, – ни враждебности, ни симпатии, ни просто любопытства. Наверное, они не шелохнулись бы, даже будь на мне клоунский наряд или, например, если бы я был Чубакой. Все выглядели... пустыми. Будто у них было уже уроков восемь.

– Молодежь! – Директор прокашлялся. – Это Данила Ленский, и он будет учиться с вами. Прямо от Пушкина пришел, да? Вот у вас на параллели есть девочка... родственница его, Сашей зовут! Родственница Пушкина в смысле, не Данилы!

Звучало забавно и дружелюбно, но никто не улыбнулся, скорее наоборот – повеяло холодком. Решив не ждать приглашения, Дэн пересек класс и сел у окна, рядом с высоким брюнетом в балахоне. Тот безучастно смотрел вперед. Рука, сжимающая карандаш и исчерканная длинными свежими порезами, машинально чертила уродливое граффити на листе. Имя какое-то, все из углов и терновника. «Ло-ра»...

– Ребят, ау? – Директор нахмурился. – Где Наталья Сергеевна-то, красится опять? Плутовка моя...

– Вышла, – хрипло ответила сидящая за первой партой

худая девушка с длинными всклокоченными темными волосами. – За нашими тетрадами для сочинений.

– Сочинение? – почему-то удивился Анатолий Викторович. – Сегодня? – Последовало несколько нестройных кивков. – И какое произведение вы сейчас изучаете?

– «Завтра была война», – тихо сказала соседка лохматой, блондинка с хвостиками.

– О как. Хорошая книжка! – Но что-то в тоне директора по-прежнему было неправильным. – Тема какая? Героизм? Коллективная память?

Дэну показалось, губы у блондинистой девочки – к слову, красивой, очень – задрожали. Да и брюнетка помрачнела еще сильнее, даже голову в плечи втянула.

– Мы пишем о Вике Люберецкой. И ее смерти.

Повисла тишина. Анатолий Викторович прошелся туда-сюда и начал дергать себя за ус.

– Интересно, – процедил он наконец в пустоту. – Подход-то какой, а? Гуманный, прогрессивный!

Сдвинулись брови; лоб треснул морщинами. Дэн подумал, что зарисовал бы это занятное лицо, определенно не кабинетное, скорее командирское. Вот кому самое место на полях Фландрии. Или...

– Можно выйти? – крикнул вдруг кто-то, и тишина будто взорвалась.

Дэн вздрогнул, а директор не успел ответить. Из-за последней парты выбралась рыжая девушка в черном длинном

платье, пробежала по классу и вылетела прочь. Одноклассники не провожали ее взглядами. Большинство таращились на свои руки. На пеналы. На дневники. Не удивились. Знали, почему убежала. А тишина сердито зазвенела по новой, более ровным и вкрадчивым голосом:

– Так, кто ее отпустил? Что это еще такое?

В дверном проеме появилась моложавая белокурая женщина, прижимающая к груди стопку тетрадей, окинула класс взглядом из-под прямой челки. Дэн ее легко вспомнил: тетя Наташа, Наталья Сергеевна, мамина подруга. Это она за пару контрамарок хлопотала, чтобы его зачислили поскорее.

– Кто отпустил Нору Горскую? – Учительница сердито зыркнула на аккуратные золотые часики. – И так времени много потеряли, не резиновый урок! О... – Она осеклась. Заметила, что дети не одни.

– Здравствуйте, Наталья Сергеевна. – Директор странно смотрел на нее, так, будто... укусить хотел? Шагнул навстречу. – Ой, тетради, спасибо. Как раз хотел проверить их прошлые сочинения, знаете ли, сантименты заели.

– Извините? – теперь она испепелила взглядом его. То есть вряд ли правда хотела испепелить, просто такие у нее были глаза – синие, строгие. – Что проверить?

– Ну. – Он потеребил ус снова, но продолжил жестче и угрюмее, протянул руки: – Должен же я знать, чем живут наши десятиклассники. Давайте, давайте сюда.

– Что? – Она удивленно отшатнулась. – С чего вдруг? У

нас сейчас еще...

– Нет-нет, это потом, – с нажимом возразил директор и почти выдрал у нее из рук тетради. – Тем более на эту тему. Перенесите, пройдите сегодня что-то еще или повторите материал. – Он подумал. – Да. Что-нибудь о милосердии. «Чудесного доктора», например, почитайте. Или «Кусаку».

Дэн все гадал, из-за чего ссора. Правда, чушь какая-то, точно и так-то странный «сэр» внезапно помешался. Но парень рядом вдруг сломал карандаш, черноволосая девушка и блондинка почти одинаково сжались, да и остальные стали переглядываться – не тревожно, скорее... замученно? Зато тетя Наташа явно была зла. Несколько секунд она медлила, потом сощурилась, глубоко вздохнула – и пошла в атаку:

– Анатолий Викторович, я понимаю, но уже достаточно понимания. Надо бороться и переживать! – Поняв, что ответа не будет, она всплеснула руками. – И потом, вы срываете мне план! Они должны были писать еще раньше, а вы освободили их от...

– Какой план, милая моя, ну какой? – процедил директор сквозь зубы. – Вы сами, что ли, не видите? Вот *то*... оно что, по плану было?

Тетя Наташа мягко, почти по-кошачьи отступила, но тут же расправила плечи. Она не пробовала отобрать тетради, только сжимала губы до белизны. В те два или три раза, что она была в гостях, Дэн не помнил у нее такого лица. Она всегда улыбалась.

– Каникулы им устроим тогда? – процедила она уже не зло, устало. – На девять дней? На сорок? А *ее* парту оставим как памятник всем бедным девочкам на свете?

– Нет, конечно, – смягчился и директор. – Но все-таки дайте как-то без разорванных на груди рубашек и разговоров о стойкости. Не солдат растим. Надеюсь.

– Да это вы *ее* рвете! – Она покачала головой, но на последних словах будто вспыхнула. – Это вы на что намекаете? Что я жестокая? Вот не надо этого, я одного не хочу: чтобы *пустых парт* прибавлялось. Детей отвлекать надо от всяких ужасов. Дальше вести, а не идут – так толкать! Раз сами раскисли! И...

Кто-то зашипел, то ли зло, то ли отчаянно. Директор довольно громко цокнул языком. А сосед Дэна вдруг вскочил и сжал порезанную руку в кулак. Он оказался очень высоким, тощим и сутулым. Напоминал то ли всадника смерти, то ли очеловеченного ворона.

– Замолчите! – Его лицо побелело и перекосилось, но смотрел он прямо, тете Наташе в глаза. – Прекратите хуйню нести, сейчас же, или я...

– Дрейк! – пугливо зашептала девочка сбоку.

Дэн не успел к ней повернуться. Тетя Наташа уже взвилась и шагнула вперед. Директор пристально смотрел на ее спину. Но не вмешивался, не вмешался, даже когда она прорычала:

– Угрожать мне надумал? Милости прошу! Давай, Вертер юный, давай!

А он закричал. Просто взял – и закричал, горько так, на одной ноте и коротко. Уже через несколько секунд закрыл лицо руками и упал на стул. А тетя Наташа... тетя Наташа сама к нему кинулась, обняла, как если бы была его мамой, и начала шептать. Что ей жаль, что она не хотела, что все это вообще несправедливо. Парень впился в нее. Испачкал кровью ее белую блузку, потом сам отстранился – и тоже стал просить прощения. Никто не лез. А когда мы все очнулись, оказалось, что директора с тетрадами след простыл.

Остаток урока – когда этот Дрейк успокоился – она правда читала нам, стихи. Цветаеву, Ахматову, Есенина. Потом спросила, не хочет ли кто-то тоже что-то прочесть, и вызвалась та черноволосая девчонка, что сидела с блондинкой, имени ее я еще не знал. Она читала Гумилева. Самую жуткую вещь Гумилева – «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер». Хорошо читала, с выражением, а я все смотрел то на нее, то на учительницу и не понимал, куда попал, что происходит. Меня ткнули в бок. Я повернул голову и увидел злые, усталые глаза Дрейка, шепнувшего:

– Не садись сюда больше. Это ее место.

Чье?..

– И отчаяние было имя ему, – закончила черноволосая, и прозвенел звонок.

Все стали собирать вещи. Со мной никто так и не заговорил, кроме тети Наташи: когда я выходил – последним, – она удержала меня и вдруг тоже обняла, хотя мы не так чтобы близко друг друга знали. Но она

пробормотала:

– Прости, пожалуйста. Что же вы все хрупкие такие...

И выпустила меня в коридор.

В столовой Дэн сел один. Он пил сладкий чай, оглядывался и с удивлением отмечал, что хотя по расписанию завтрак, почти никого из десятого «А» нет. Только малышня бежала да сбившиеся в кучу одиннадцатиклассники флегматично жевали что-то за дальним столом. У самого Дэна, хотя он даже не позавтракал, аппетита не было. Как и всегда, когда так портилось настроение.

– Эй! – окликнули его вдруг. – Новенький! Не спи, замерзнешь!

Едва не подавившись, Дэн вскинулся. К нему шла лохматая девчонка, читавшая стихи. Угловатая нескладная готка или что-то вроде того: темная одежда, перстни-когти на средних пальцах. Явно из *тех самых* – которые, по словам «сэра», плевали на форму.

– Привет еще раз, что ли? – Она приблизилась вплотную. От нее пахнуло крепким парфюмом, который подошел бы скорее старушке. – Можно к тебе?

Дэн молча подвинулся, но даже улыбнуться не успел. Девчонка плюхнулась рядом, шумно поставив стакан с кофе, подперла кулаком подбородок и без обиняков спросила:

– Ну как ты? Пересрал? Не надо.

– Чего?.. – Он даже растерялся. Что имеется в виду – урок

или ее наряд?

Девчонка подняла тонкие черные брови.

– Ну, как тебя приняли... я бы точно пересрала, решила бы, что в дурку попала. Хотя в каком-то смысле так и есть.

Медля, Дэн рассматривал ее. Еще одно интересное лицо, просящееся на рисунок: немного татарские глаза, выразительные темные губы, тонкий нос и сама форма – будто по плавному овалу вхолостую, неаккуратно прошлись в последний момент резцом. Стесали что-то и не стали поправлять.

– Что у вас такое случилось? – наконец просто спросил он. – Тот парень... с которым я сидел... у него руки в крови.

– А у тебя коленки! – натянута хохотнула она, но тут же посерьезнела и просто объяснила: – У нас, Дань, одноклассница погибла. Не знаю, что там за козлы и где недосмотрели, но дом сгорел. Целая многоэтажка с жильцами. Как уголек. Вот.

– Слышал в новостях. – Дэн даже вздрогнул невольно, вспомнив тот выпуск. И особенно какой-то бред испуганных очевидцев про то, что пламя в первые несколько секунд было ослепительно лиловым. – Какой ужас.

– Ужас, – вздохнула девчонка. – А Дрейк, Андрюха... нравилась она ему. За другого замуж собиралась, теперь и гроб заколотили, а он все не перегорит, режет себя. Только ты тихо. Ладно? Мы... мы посмотрим, чтобы все было с ним хорошо. Он стойкий. Мы все. И никакие кони Люцифера нас не... – Она запнулась. Рвано вздохнула. И быстро уткнулась

вдруг в свой стакан. – Не затопчут.

Она теперь косилась на него украдкой, сердито, с неммым «Начнешь жалеть – убью». И Дэн не стал, в конце концов, «Мне жаль» – слова банальные и довольно бесполезные. От того, что тебе жаль, никому не легче. Поэтому он сделал иначе: достал из сумки скетчбук, карандаш и принялся за работу. Девчонки надолго не хватило.

– Вау! – выпалила она, опять распрямляясь и жадно всматриваясь в лист. – Вау, вау! Похоже... ты мне нравишься, Данила Ленский. Познакомимся? Меня зовут Марти.

Уже во вторник Дрейк извинился, Марти позвала меня делать лабораторку по химии, а остальные перестали так дичиться. Они только были тусклыми, много курили и раз за разом ударялись в разговоры вроде «А вот помните, Лорка?..», «А Лорка бы...» Потом перестали: от этого очень плохо было выжившей близняшке. В четверг я осторожно, украдкой нарисовал ее портрет и показал. Девочка – рыжая, круглощекая, но при этом очень худая – несмело улыбнулась и попросила: «Пририсуй рядом такую же, и пусть она улыбается. А сзади башни Иерусалима». Я пририсовал. Она взяла листок и прижала к груди. А к пятнице забрала документы и ушла из школы.

– Наверное, – сказала Марти в тот день, – не вынесла. Ну, решила, что мы безнадежны.

– Почему? – не понял я, а она посмотрела не так чтобы недобро, а будто брезгливо. Не на меня, а на свои ногти.

– Думаешь, все по Лорочке до сих пор скорбят? – вздохнула. – Андрюха – да. Алинка – да, она в последнее время сильно переживала из-за того, какой еще год назад была сучкой. И Аська, она добрая очень. А остальные... мы... – Глаза она все же подняла. – Мы испугались, Дань. В этом скорее дело. Каждый представил себя на ее месте. В гробу. И не захотел туда. Это только кажется, что смерть все время где-то шляется. На самом деле она рядом.

Мне нечего было ответить, смерти я особо не боялся. Мне в каком-то смысле повезло: семья полная, все здоровы, дедушек и бабушек я не застал. Наверное, впервые смерть по-настоящему ужаснула меня, когда... когда Квай-Гона Джинна из первых «Звездных войн» зарубил Дарт Мол. Но не потому, что я представил себя или близких на его месте. Просто потому, что по нему очень сильно убивался молодой Оби-Ван.

Он сидел на школьной крыше и думал об этом. Думал, а на лист скетчбука неровно и пестро ложились закатные мазки. Не то чтобы Дэн любил пейзажные этюды, люди привлекали его больше. Но этот вид – зеленая горжетка парка, радужные самоцветы многоэтажек, инопланетный шпиль Останкинской башни – ему нравился. Он пообещал себе вылезти сюда еще накануне. Сам не узнавал себя: где его желание неукоснительно соблюдать все на свете правила? Как-то быстро новая школа его изменила.

Правда, изменила. Он даже готов был признаться, что

слегка влюбился в нее. В ее необычные лица, в зеленые стены и свет на плохо положенном линолеуме. В столовские бутерброды с колбасой, которые обожала Марти. В дурацкую стенгазету «Голос». И...

– Красиво! – раздалось за спиной. – Очень-очень! А вот это кто?

Дэн едва не подпрыгнул и обернулся, в первый миг порываясь дать деру. Замкнуло: голос был девчачий, а в мозгах панически мелькнуло: «Неужели Славик?» Нет, не охранник-бульдог, который тоже, кстати, оказался ничего. Это Ася стояла рядом и рассматривала страничку скетчбука, уперев руки в колени. Ветер развеивал ее светлые, пахнущие лимонном хвостики, кидал правый Дэну прямо в лицо. Он не смел пошевелиться. И зачем только Ася сюда влезла, как?

– Это, – повторила она и ткнула пальчиком в две сидящие на ближней крыше фигуры. – Что за... дядьки?

Дядьки. Дэн улыбнулся. Он действительно это сделал – бездумно пририсовал на скетч сторонних персонажей. Собственно, Квай-Гона и Оби-Вана. Они сидели и смотрели на Останкинскую башню.

– Джедаи, – осторожно пояснил он. Ася моргнула. – Рыцари света. Из кино. «Звездные войны». Там еще мечи такие лазерные.

– Ой, да, слышала, – задумчиво сказала она. – Надо тоже посмотреть...

– Посмотри! – От волнения Дэну самому неловко стало. –

Могу тебе диск дать, там все части, и старые, и новые, и...

– Угу, – Ася сказала это с запинкой. – Если Макс захочет, я попрошу. Он вроде тоже собирался давно. А у меня даже проигрывателя нет. – Она опять помедлила, явно жалея, что призналась. – Кошмар, да? Я будто нищенка какая-то...

– Что ты! – поспешил возразить Дэн. – Да и зачем вообще он? Так... у нас есть, но стоит пылиться, мы мало пользуемся. Я купил диск, просто потому что это мое любимое кино.

Ася улыбнулась тепло, благодарно, но с тем самым взглядом, где «Я не хочу про это больше говорить» не прочтет только дурак. И Дэн замолчал. Ох, как же нравилась ему эта девчонка, похожая на хрустальную фигурку... он пока не понимал, какое это «нравится» – когда хочется встречаться или рисовать. И старался не думать.

– Можно посмотреть, что у тебя там еще? – Она кивнула на рисунок. – Давно попросить хотела, стеснялась.

Дэн поспешил передать скетчбук, и Ася, присев рядом, зашелестела страницами. На каждой задерживалась взглядом, заметила и «электрические» виды, и Чубаку в цветочном венке, и Оби-Вана с мечом, и свой портрет, и портрет Марти. «Класс, класс...» – замороженно повторяла она. Одна из страниц вся была изрисована портретами директора – в профиль, в анфас, в полный рост. Почему-то Дэн рисовал его всегда в форме красноармейца, а один раз изобразил даже на коне, с шашкой.

– Ничего себе, – сказала Ася. – Мне кажется, ему бы по-

наверилось. Но с чего ты вдруг... его? Ну вообще? Он даже по коридорам редко ходит, тот раз был исключением.

– Просто кажется, он мировой дядька, – ответил Дэн, подумав. – Хорошо понимает детей. А мне захотелось понять его. Мой способ такой.

Ася посмотрела на него вдруг очень серьезно, даже испуганно. Как на колдуна.

– Правильно понял. У него самого семьи нет, – тихо произнесла она, дергая себя за хвостик. – Не завел, в Чечне был долго... Он нас любит. Не то что Наталья Сергеевна.

Дэн вздохнул. Ася не знала о дрожащих объятиях тети Наташи. Как и о том, что у нее, по словам мамы, дочка умерла в восемь лет. Поехала в лагерь на море – и утонула.

– Она хорошая, – сказал он. – Просто другая. И она вас, кажется, тоже любит.

Ася потупилась. Ей это шло: опущенные ресницы, склоненная голова, румянец. Тоже просилось опять на бумагу, особенно рядом с резкими, отгаликивающими чертами Марти. Поняв, что слишком пялится, Дэн торопливо уставился на свои кроссовки. Дурак...

– Она считает, – вдруг горячо заговорила Ася и почти силой сунула скетчбук обратно ему в руки, – что мы должны быть жутко сильными. Вопреки всему. Идти вперед, как эти все пионеры и комсомольцы из «Завтра...», все быстро позади оставлять. Девочки-амазонки, мальчишки-паладины, даже если...

Она замолчала, споткнувшись о какие-то слова. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями, но, видимо, она с ними не собралась. Сказала только:

– Она вела у нас с пятого класса. Лорку знала, Лорка рассказы писала...

Дэн понимал: Ася просто хочет выговориться. Наверное, ей все равно, что прозвучит в ответ, и лучше промолчать. Возможно, Ася говорила за весь класс, как самая чувствительная. Пусть так.

– На похоронах она была. – Голос дрогнул. – У нее такая шляпка – с вуалью. Я стояла рядом, видела, она плакала. Но потом она... с сочинением этим... – Она резко встала и даже топнула ногой. – Такая жестокая! Зачем так?

Да, отвечать было бессмысленно. Есть вещи, которые лучше просто пережить, как грозу или шторм, и сохранить в себе, но осмыслить позже. Что-то подсказывало Дэну, что Марти не так далека от правды. Что с этой погибшей девочкой дело не только в скорби по человеку, еще недавно сидевшему за соседней партой, но и в шестом коне.

– Прости! – Ася точно очнулась. – Загрузила тебя, да? Зря я. Я вообще-то к тебе поднялась, чтобы вытащить, боялась, ну, вдруг тебя поймают... А сама ною.

Как она заблуждалась! Это не было нытьем. А сердце от бесхитростного «Я к тебе поднялась» потеплело так, что и до щек жар добрался. Нет, сейчас ничего дурацкого, влюбленного. Просто по-человечески стало хорошо. Как когда Мар-

ти в день знакомства, после четвертого урока, вдруг сунула ему в руку тот самый, явно у кого-то стащенный бутерброд и грубовато спросила: «Не жрал небось сегодня?» Или когда ее приятель Макс на первой физре, видя, что у Дэна нет пары, чтобы перекидываться баскетбольным мячом, сам встал с ним, а Асе сказал: «Ты, зай, в стенку покидаешь немного, хорошо?»

– Не переживай, – он улыбнулся. – Заканчиваю скоро. Проводить тебя?

Очень хотелось услышать «да», но Ася помотала головой.

– Не надо, спасибо. Я Макса жду вообще. У него баскет.

– А-а-а... – Призрачное тепло схлынуло, а Ася как ни в чем не бывало продолжила:

– Потом мы на дачу, ну, шашлыки, последние груши на деревьях...

– Осенняя красота. – Новая улыбка вышла натянутой.

– Осеннее обжорство! – Ася этого не поняла, засмеялась и мило сморщила нос.

– Ну кому что. – Дэн все не сводил с нее глаз. Не мог. – Ладно... привет ему.

Ася глянула на маленькие часики-жучка на цепочке. Дэн вспомнил, как грустно она стояла в уголке и кидала мяч в стенку, пока Макс Гордеев не давал ему, Дэну, почувствовать себя совсем ущербным лохом. И устыдился.

– Да, передам. – Ася поправила хвостики. – Пора, ладно. Удачи, Данила!

В этот раз он все сделал, чтобы она тоже почувствовала тепло его слов.

– Спасибо. И тебе удачных...

– Обжорств?.. – хихикнула Ася.

– Красот! – рассмеялся Дэн.

Она побежала к люку, а Дэн еще долго слышал ее звонкий удаляющийся смех. Ничего не мог поделать, было досадно, что она уходит, уже думая о своем, и что ее не нужно провожать. Дэн закрыл скетчбук: больше не рисовалось. Да и становилось прохладно.

Он встал и опять глянул на теряющий краски город. Хлопнула школьная дверь, вскоре из ворот вышли Ася с Максом. Он поцеловал ее в нос и накинул ей на плечи куртку. Ася крепко обняла его; они двинулись по улице, счастливо растворенные друг в друге. По пути они спугнули хромого ворона. Тот отпрыгнул, разразившись карканьем.

Карканьем, похожим на голос Марти.

* * *

...Птица тяжело взлетела, села на провода и внимательно, по-человечески уставилась на Дэна. Но едва ли тот обратил на это внимание: он сейчас видел лишь размытую полосу фонарей и светлые развевающиеся волосы Аси.

26.05.2006. Кирилл Романов

Честно, я испытал экзистенциальный ужас, услышав все это: про дупло, капсулу и тем более, простите, этрусков, пришельцев, храмы – в общем, нетленность нашей графомании. Мое мнение глубоко непопулярно, но вот оно: пытаюсь создать что-то такое нетленное, до фига важное, люди и плодят мусор. Вечные вещи – немного про другое, поэтому я, подумав и поняв, что Макса все же (пусть и довольно неуклюже) люблю, решил относиться ко всей этой задумке с дневником попроще, примерно так...

«Окей, мне для выработки неразборчивого врачебного почерка тоже нужно где-то тренироваться».

Начну с того же, с чего Марти (окей, признаюсь, я тоже жулик-засранец, который счел необходимым прочесть предыдущие записи). Обо мне тоже ходит по миру много разных историй. Я их коллекционирую. Бойтесь, ребята, самые ценные экспонаты могут оказаться правдивыми. А могут и нет.

Есть, например, вот та, что я гей и тайно хочу сменить пол.

Или та, что Его Честь (то есть мой отец) чуть не забрал меня из института, узнав, что я с парой приятелей пытаюсь повторить эксперименты Демихова, то есть сделать из двух живых собак одного двухголового пса. Или две еще школьные байки: в одной

я синтезировал забористую дурь в кабинете химии и распылил на дискотеке, из-за чего все стали изображать зомби и кусать друг друга, а в другой, вместо того чтоб решить проблему травли словами, а не кулаками, поймал кого-то из обидчиков, приковал в туалете к батарее и пригрозил отыметь ручкой от швабры.

Конечно же, я не буду их рассказывать, потому что это дичь. Как минимум в том туалете не было швабры, ее держали в подсобке, от которой у меня не было ключа. И вообще насилие, тем более ректальное, – не метод. Но я увлекся.

Моя любимая история безобиднее. Она про то, что Марти, вот та самая Марти, которая одним гадает на жениха, а других кормит колбасой, – моя невеста. Насколько она правдива... думаю, только потомки и узнают, я ведь сам еще не в курсе. Но ее я расскажу.

– А почему нет? Ты же с детства про них говорил! Созданы друг для друга!

Отец вещал горячо и убежденно, пыхтя и, может, даже в кресле подпрыгивая. Кирилл подслушивал лениво и равнодушно. Разговор напрямую касался его судьбы и не представлял собой ничего ценного. Как и все подобные разговоры.

– Слав, это ж не значит, что я сейчас ее замуж отдаю, – вяло отбрыкивался собеседник. Голос у него был низкий, роко-чущий, но очень растерянный. – Она в десятом! И потом... Табличка «Моя жена ведьма» тебя не пугает? Вы верующие

вроде...

– Моему такая и нужна, чтоб дурь выбила! – горячился отец. – А ведьма... ну, не темная же. Вероника по-доброму ворожит, знаю, она коллеге моему помогала, и вообще...

На другом конце провода отчетливо вздохнули.

– Сла-ав... ну что ты вообще подорвался? Да, бывают в жизни огорченья: рождаются дети с мозгом. Но Кир у тебя что надо. Я не так чтоб понимаю всю эту современную вседозволенность, но он вполне себе мужик! Клятву Гиппократа вон соблюдает...

– С преподавателями – спорит! – Отец явно начал загибать пальцы. – Девушки постоянной – нет! Вечно подписывается на какие-то мутные авантюры и эксперименты! – Кирилл мысленно закатил глаза, вспомнив, что Шерлок Холмс вообще лупил трупы тяжелыми предметами. – А эти их студенческие оргии в стиле древних греков? Каждую пятницу! Он там сосетя невесть с кем, я фотки видел...

Фотки. Подсунул кто-то из завидовавших «несправедливым» пятеркам. Мрази.

– А то ты молодым не был и я тебе пиздюлей за курение травы не вламывал! – расхохотался собеседник. Кирилл окончательно понял, кто это, и теперь пытался вспомнить имя. Лукин. Дядя Вова? Дядя Дима?

– Владушка, – прозвучало столь нелепо, что Кирилл едва не фыркнул, а может, и фыркнул. – Ну... попробуем, а? Ему правда надо. Какая-нибудь положительная девушка. – Он не

дал перебить. – Ну или не положительная, а хоть такая же твердолобая.

– Э-э, – «Владушка» – точно, Владимир Петрович! – явно опешил. – Слав... я, конечно, понимаю, что ты двести лет судействуешь и света не видишь, но вот то, что ты описал, – твердолобая плюс твердолобый – коктейль Молотова наживую.

Кирилл представил, как Его Честь рвет волосы воображаемого судейского парика. Обычно добиться желаемого у него получалось куда быстрее. Наконец отец вздохнул, явно посчитал немного в уме и сделал то, что делал крайне редко, – заюлил:

– Ну-у-у-у-у... эх. Тогда, Владушка, я вас просто приглашаю на дачу. Всех. Мы дом новый отгрохали, а ты не видел еще, думаем даже пруд копать попозже...

– Не могу, – довольно нервно отрезал Лукин. – На делах сижу. Сложные фигуранты. Надо оперов прикрывать и следков за яйца держать, а то прессуют суки всякие, чтоб своих подследственных отмазать...

– А ты мне сук списочком, – отец понизил голос, и снова Кирилл едва не хмыкнул. – А ну как с кем помогу, ниточки подергаю... – Голос крепнул: он сел на своего конька. – И да, раз ты в такой жопе, чего жену-то не вывезти да дочку?

И все-таки да. Отец умел убеждать.

– У нас охрана, – сладенько продолжил он. – И воздух! Машка моя рада будет, она же с тоски загибается без подруг.

Речка, шашлычки, клубника, все такое!

– Хм. – Ну все. Лукин определенно уже реагировал иначе, прикидывал варианты. – Я поговорю, Слав. Может, правда выпну красавиц. Но ты там сильно не напирай, а то...

– Не буду, обещаю! – Отец врал. Кирилл это знал. – Но если сойдутся... если сойдутся, то это будет...

Кирилл, небывало раздраженный всеми этими «если», хотел было повесить трубку и выматериться в стену, но не успел: телефон буквально завибрировал от смеха.

– Ох, Славка... судя по тому, что ты не заметил, как сынок пыхтит, мне лучше дополнительно послать к тебе спецназ для охраны. На них-то шашлыка хватит? А клубники?

Они заржали уже хором. Кирилл почувствовал себя лишним и трубку все-таки повесил. Вот же клоуны... Он устало пересек комнату, завалился на кровать, стряхнув с нее пару медицинских книг, – и стал смиренно ждать. Кара не задержалась: дверь распахнулась уже минут через десять, без намека на стук, и отец – в любимом халате «а-ля буржуй», с благородной пепельной сединой в бакенбардах и недобро похрустывающими кулаками – показался на пороге.

– Ты подслушивал – я не постучал, – безапелляционно отрезал он. Ну сразу же ясно: судья.

– Ты там пытаешься меня с кем-то страхать – я не желаю слышать об этом, – не шевелясь, откликнулся Кирилл.

Отец скривился: обожал вот эти ханжеские «не матерись», «полегче», «что за слова, ты же мужчина», «стыдоба».

Но отвечать – не ответил, и Кирилл попытался атаковать сам:

– Слушай, это новое что-то. Когда тебя учеба моя волновала и то, что я иногда позволяю себе развлечься на вечеринках... Всего раз в пару недель. Нельзя же вечно зубрить.

– Вы там обжимались-лизались, – тут же набычился отец и соизволил-таки зайти, прикрыть за собой дверь. – В простынях расхаживали, как кучка психов, вино...

– В хитонах, – мирно поправил Кирилл. – По заветам Гипократа. И во внеучебное время. А обнимашки-поцелуи – ну сыграли в бутылочку разок, детство заиграло...

Они с отцом вздохнули хором – хотя и по очевидно разным причинам. Посмотрели друг на друга, и тот завел пластинку по новой, только уже тише и как-то... просительнее, что ли? Словно все понимал-принимал. Но для Кирилла это дышало скорее опасностью.

– Мне не нравится твой досуг. Не нравится твоя упертость и юмор висельника. Не нравится, что ты приползаешь с засосами на шее. И... – он помедлил, вздохнул более шумно и вдарил-таки по больному. – Мне не нравится, сын, что у тебя нет друзей. Вот главная вещь, которая меня бесит. И беспокоит.

Здесь ему разумнее было бы надеть каску или хотя бы судейский парик, но он не надел – стоял так, с седой головой и торчащими всклокоченными баками. Смотрел вишневыми глазами в такие же вишневые глаза. Кирилл поморщился: накатила откуда-то иллюзия, что он видит свое постаревшее

отражение. Которое жалеет для него даже восклицаний, какими сыпал, беседуя с любимым-обожаемым одноклассником.

– Ты не можешь судить об этом, – глухо отозвался он, но отвести глаза очень хотелось. Предательски хотелось.

– Могу. – Отцу было что противопоставить, и Кирилл услышал ровно то, что ожидал. – Если слышал наш разговор с Владушкой... – Кирилл усмехнулся, собираясь просто из вредности заявить, что звучит по-гейски. – Сам понимаешь. Друзья приобретаются не на попойках и не в тупых развлечениях вроде «пришить собаке вторую голову». Только в бою, в том или ином виде. Про любимых я уже не...

– Не твое дело, с кем, где, когда я... подружусь. – Упрямство разыграло. Хотя Кирилл знал, что даже звучит это уничижительно. – И уж точно – где я буду искать жену, мужа...

Он надеялся хоть последним спровоцировать отца на новую вспышку, чтобы самому перестать чувствовать себя так загнанно. Снова просчитался. Отец сощурился, оглядел плакаты с Фредди Меркьюри, в изобилии украшающие комнату, и ответил:

– Мне вот эти все западные заскоки *вообще* никуда не уперлись. В зале суда, знаешь, кого только не повидал. Когда я сказал тебе о засосах, я просто имел в виду, что такие вещи должны быть по любви. А не как у твоих греков. Ну-ка расскажи мне, с кем из однокурсников ты поехал бы... – Он подумал. – В Чечню? В Афган?

– Типа в разведку пошел? – умилился Кирилл этой попытке переобуть советскую идиому. – Ни с кем. Но дело не в них, дело в том, что я в принципе не рвусь на войну, пока на мою страну не нападают. И тебе не советую, отвоевался.

Отец молчал, потирая осколочный шрам на левом запястье. «Я про другое», – читалось в глазах, но вместо злости там теперь была жалость. Он знал, что прав. Реально друзей у Кирилла среди однокурсников не было. И со школы не осталось. Плохо он сходился с людьми, они все казались ему либо скучными, либо тупыми. А если честнее, он просто считал их заведение слишком... энергозатратным. Точно так же он ненавидел покупать новые телефоны, компьютеры, любую технику – ко всему этому приходилось изучать инструкции, прежде чем пользоваться. А с людьми еще и инструкции нередко противоречили функционалу.

– Может, тебя просто напрягает, что я тебя однажды могу опозорить? – Впрочем, это тоже был удар в пустоту. – Хитом или еще чем... вот и лезешь куда не надо?

Отец сделал шаг ближе. Он смотрел так, как умел смотреть только сам Кирилл: с непередаваемой уверенностью в собственной правоте, втаптывающей собеседника в пыль.

– Если бы ты имел какое-то отношение к моей профессии... – Он помедлил. – Может быть. Но ты выбрал *свою* судьбу, на *свою* голову, – он сделал логическое ударение, но дальше опять смягчился: – И у тебя... у вас, у врачей... там свое понимание позора, свои «хорошо» и «плохо». Надеюсь,

ты справишься с этим сам.

И это тоже был удар по больному. Который Кирилл никогда не мог отбить.

– Все, ладно. – Отец, похоже, понял, что внятного ответа не добьется, и махнул рукой. – Давай по фактам. Мои друзья приедут и будут отдыхать на даче с тобой и мамой. А ты будешь с ними общаться. Потому что иначе я отберу твою машину и буду трахать твой мозг весь следующий год. А то и обряжусь в простыню и припрусь к вам.

По фактам, ничего не скажешь. Даже риторику подхватил. Кирилл закрыл глаза, старательно притворяясь мертвым. Лучше так, чем скрипеть зубами.

– Альтернатива? – Он даже губ почти не разомкнул.

– Нет. Это автократия. Крепись. Ночи.

Скрипнула дверь – кажется, отец вышел. Кирилл открыл глаза, убедился в этом – и взвыл на всю комнату. Повернулся на бок. Прикрыл глаза.

«У тебя нет друзей. Ты ничего не понимаешь. Тебе не с кем идти в разведку, поэтому ты пойдешь туда с теми, с кем я скажу. И врач из тебя будет хреновый, потому что ты козел». Ну что ж...

Материться почему-то больше не хотелось. Вместо мата пришел план.

Итак, меня ожидала очередная блажь Его Чести, дуревыбивалка неожиданного происхождения. Но было даже интересно попробовать этой блажи

помешать и кое-что доходчиво разъяснить. Например, что династические браки – безнадежное морально устарелое дерьмо и что вообще от меня пора отстать. Не скрою: я злился больше, чем стоило, и решил, что раз так, разбужу и врублю своего внутреннего «плохого подростка» на полную катушку. Родители же это обожают. Ну чтоб их детки никогда не выросли.

Выглядеть перед «невестой» максимально непрезентабельно получилось без усилий: Кирилл элементарно проспал приезд Лукиных, и доносившиеся с веранды голоса его разбудили. Впрочем, спать в семь утра на каникулах было для него естественно. Он догадывался: на практике, не то что на работе, спать будет некогда, вообще. Ни зимой, ни летом. Отсыпался впрок.

Мама, приоткрыв дверь в дом, сладко рявкнула: «Кир, иди сюда!» Он вяло оторвал лицо от подушки, встал, накинул халат со следами химических экспериментов на рукавах, у зеркала старательно взъерошил мышинового цвета (отлично, уже грязноватые) волосы и криво ухмыльнулся отражению. Так он и вышел, не забывая почесываться.

На веранде, помимо кудахчущей мамы и отца, выволакивавшего на улицу удочки, обнаружилась фигуристая женщина с густыми медными волосами. Она вынимала из большой сумки продукты – преимущественно мясо, вино и конфеты. Увидев Кирилла, она выронила пачку мармеладок, совершенно не по-ведьмински просияла и взвизгнула:

– Кирик, как я соскучилась! – Она подскочила, сгребла его в объятия, сильнее взлохматив волосы. – Ого, ты вырос!

Кирилл улыбнулся вполне искренне: «будущую тещу» он помнил лучше, чем ее мужа. Таковую не забудешь, слишком много кипящей энергии.

– Здравствуйте, тетя Вероника, – сказал он, отстраняясь. – Хорошо выглядите.

Это была правда: будто и не постарела лет за восемь, что он ее не видел.

– О-о-о. – Она заметила на шее Кирилла деревянный кулон в виде звезды жизни⁷. – Носишь! – Пальцы схватили подвеску, провели по металлической вставке в центре – жезлу Асклепия.

– А то, – снова не стал ерничать Кирилл. Свой талисман он правда любил. – Может, и удачу принес, поступить помог. Ну и вообще... прикольный.

– Прикольный... – повторяя это, тетя Вероника всмотрелась ему в лицо.

Взгляд ее Кириллу и в детстве не нравился: чисто рентген. Впечатление не поменялось: кем, кем тетя Вероника его видела? Скелетом в мареве цветных полей? Но наконец она улыбнулась, отпустила кулон и потрепала Кирилла по щеке когтистыми пальцами. Маникюр был ведьминский, черный.

⁷ «Звезда жизни» – шестиконечная звезда с прямоугольными лучами, в центре – жезл Асклепия, бога медицины и врачевания в древнегреческой мифологии.

Противоположность маминим бесцветным ноготкам.

– Быстро время летит. – Тут же она перевела тему: – А ты что такой сонный?..

– Да он с петухами встает... – буркнул Его Честь, наградив сына фирменным взглядом для устрашения подсудимых, адвокатов и прокуроров. «Как ты посмел выйти в таком виде?» было написано на лбу, но так и не прозвучало. – А тут обленился.

– Ничего, молодежь – сплошные совы, – усмехнулась тетька. – Моя тоже носом клюет. – Она постучала кулаком в окно и крикнула кому-то: – Эй! Отлепляйся от стенки-то! Иди к нам!

Ее услышали. На крыльцо поднялась и остановилась, опершись о дверной косяк, худая растрепанная брюнетка ростом чуть выше хоббита. Дочь Лукиных, ага. Вот она в гости никогда не приезжала, ее Кирилл видел в первый раз.

– Вымахала, я двухлеткой тебя помню! – радостно польстил отец. – Красава!

Девушка даже не моргнула и не потратила сил на вежливую улыбку.

– Знакомься, Мариночка, это Кирилл! – так и просияла мама.

Он изобразил заготовленную кривую ухмылочку и уточнил:

– Лучше «Крыс».

– Кир! – предсказуемо рявкнул отец. – Ну что за детский

сад, ты совсем что ли...

– «Крыс», – повторил Кирилл, вызывающе глядя на девушку. – Привет, Мышонок.

«Мышонка» он выдумал на ходу, хотя девушка походила скорее на облезлую птицу. Гордую птицу: взгляд оливковых глаз скользнул по лицу Кирилла, темные брови приподнялись, но больше никакого удивления или возмущения «невеста» не выказала.

– Прикольно. – Она зевнула. – А я вот предпочитаю «Марти». Привет, Мэлман.

Повисла долгая неловкая пауза. Родители не смотрели «Мадагаскар», а зря. Как минимум с командой пингвинов-параноиков они бы поладили.

– Так, ну... вот и встретились! – Отец отмер первым и даже усмирил грозу во взгляде, расплылся в улыбке. – А мне на рыбалку пора! – И он почти пулей вылетел за дверь, бросив напоследок: – Тут слышал, щуки пошли, здоровенные!..

– До свидания, Ваша Честь. – Марина проводила его взглядом и улыбнулась. Интересно... отец ей, что ли, рассказал об этом семейном прозвище своего бестолкового и назойливого друга? А он откуда знал?

Мама собралась: воинственно мотнула пепельными кудрями и взяла быка за рога. Ей нужно было срочно разрулить столпотворение на веранде, добившись одновременно хитрых матримониальных целей, – и она это сделала:

– Ну что ж... прекрасненько! Верочка, я покажу тебе уча-

сток: где у нас что, там такие лилии распустились, красота! А молодежь... Мариночка, детка, ты устала с дороги?

– Нет, на мне вполне еще можно пахать. – В противоположность словам девушка даже не отлепилась от дверного косяка и зевнула особенно широко. Мама закивала:

– Отлично! Значит, молодежь отправим в магазин в Светловку. Пусть купят себе мороженое! И нам надо бы картошки, не могла же я просить вас из Москвы...

Марина опять ухмыльнулась. Крыс задумался: а может, дома она тоже подслушала родительский разговор? Или мысли читает? С такими-то генами...

– Кир. – Мама приблизилась вплотную и нежно зашипела: – Если немедленно не приведешь себя в порядок и не будешь милым, я тебя убью. – Она отошла и снова ослепительно улыбнулась. – Я напишу тебе список, иди одевайся. Мариночка тебя подождет. Детка, на улице холодновато, я тебе сейчас найду какую-нибудь ветровку.

– Спасибо, – расцвела гостья. Кирилл, чертыхаясь, отправился одеваться.

На приведение в порядок ушло минут десять: только влезть в джинсы и толстовку с максимально нецензурной надписью. Когда он вернулся на веранду, там была только Марина, которая трескала соленый огурец прямо из стоящей на холодильнике банки и довольно эротично слизывала рассол с пальцев.

– Не, я пока не беременна. – Она вытерла руки и сняла с

вешалки куртку Его Чести. Прочла принт на груди: – «Ваша жопа – ваши проблемы»? Одобряю. Идем?

– Идем, – мрачно ответил Кирилл и направился к двери. – Просто летим.

«Мэлман». Надо же такое придумать...

Ходил он довольно быстро и ожидал, что уже за калиткой девчонка отстанет или, еще лучше, разозлится, потребует, чтобы сбавил скорость. Но она как прилипла, так что ему непрерывно приходилось ускорять шаг. Они промчались мимо десятка домов и вышли на главную дорогу – к мосту через реку. Крыс собрался еще поднажать, но тут Марина положила руку ему на плечо. Он не дернулся, только брезгливо на нее покосился. Взгляд споткнулся о перстень-коготь на среднем пальце. Побрякушка нелепо выглядывала из-под длиннющего рукава отцовской военной ветровки. Нелепо, но импозантно.

– Крыс. – Марина спокойно обратилась по кличке, даже улыбнулась. – Тут не ралли. Тебе еще картошку тащить. А также два десятка яиц, три пакета муки, масло...

Он оборвал ее тяжелым вздохом, перетекшим в горестный стон:

– А ты зачем?

– А я девчонка. – Она весело фыркнула. – Ты не потащишь на руках еще и меня, и в этом будет моя помощь.

Кирилл невольно рассмеялся. Тонкий довольно сарказм-то.

– Да у тебя доброе сердце, я смотрю.

– Добрее некуда, – уверила она и понизила голос. – Большое, как у слона. Так что донесу половину, не парься.

Она улыбнулась – на этот раз вполне дружелюбно, мирно – и отвернулась. Кирилл проследил ее взгляд. Улицу окутывал сонный туман, из которого высывались светлые домики; вдоль реки и заборов росли поздние нарциссы и тюльпаны, а садовые гномы, утки и олени казались даже симпатичными. Все словно парило. В траве блестела роса.

– Потрясно, да? – тихо спросила она, и Кирилл по новой включил подростка. Просто потому, что сам растерялся от этой внезапной красоты.

– Да обычно, Марин. Пойдем? – И он первым сделал шаг дальше. Вскоре девчонка последовала за ним, снова поравнялась. И все так же мирно сообщила:

– Кстати, меня действительно можно звать «Марти». И «Мартина». Да даже и «мышонок». Только не «Мариночка». Почему-то он снова засмеялся.

Накануне я планировал вести себя так, чтобы к вечеру «невеста» запросилась домой. Изменилось все со скоростью, с которой в крови распространяется яд гадюки. Полудня не было, а я решил, что пусть Мартина Лукина запросится домой попозже. Папа, конечно, сам себя обманул и подсунил мне интересную личность не в бою... но все же.

– Ты вообще-то не очень на него похож, – заявила Марти,

когда они, уже нагруженные продуктами, вернулись на мост и сели передохнуть, свесив ноги к речке.

– На кого? – отдуваясь, спросил Крыс. Он занимался карате, порой даже бегал по утрам, перед институтом успел сходить в армию, но от таскания сумок всегда ощущал себя измочаленным. И начинал тупить.

– На Крыса из «Ветра в ивах», – безапелляционно продолжила Марти, и Кирилл даже немного растерялся.

– Читала? – Скрывая это, он усмехнулся и напомнил: – А ведь были еще Крыс и Весельчак У, у Булычева, кажется. Так как ты догадалась?

– Ну, с тем придурком из космоса у тебя общего точно нет, – фыркнула Марти. – Что бы ты там из себя ни строил, не желая на мне жениться.

Вот так, в лоб. Он поднял брови, а она торжествующе рассмеелась.

– Не думай, что я за тебя хочу. Ты сопляк.

Ни черта себе. Она младше на... три года? Пять лет? И вообще, она хоть знает, что «оргии в стиле древних греков» он придумал? На миг даже обуял порыв жениться на ней просто из вредности. Или хотя бы для начала...

– Ну ладно, ладно, целуешься неплохо! – смилостивилась Марти примерно через полминуты, отцепляя его руки от своей талии и вновь изгибая в улыбке припухшие губы. Она тоже целовалась хорошо. О боги, как хорошо она целовалась, жар внизу живота говорил об этом довольно красноре-

чиво. – И все-таки. Тот Крыс... у него все было очень хорошо с внутренним компасом. – Кончиком пальца она, как совсем недавно ее мама, тронула кулон у Кирилла на шее. – С пониманием, чего он хочет.

– До момента, пока не позвали дальние странствия, – глухо напомнил Кирилл. – Знаешь... всегда злило то, что Крот его удержал, не дал уйти с Крысом-Странником. Для меня это самая мерзкая сцена в книге.

– И для меня. – Удивительно, но Марти ответила серьезно и грустно, будто они не о персонажах говорили, а... не о персонажах, в общем. Спихватилась, ухмыльнулась наглее: – И все-таки смирись, дорогой доктор. Барсук нравится мне больше. Особенно вот в том фильме, где его сделали горячим таким дядечкой с ружьем.

– Где Стивен Фрай играл судью? – легко догадался Крыс, радуясь, что с самой «неудобной» темы они слезли.

– Он самый, – энергично закивала Марти, и опять захотелось ее поцеловать. Увы, снова из вредности, а не на радость Его Чести. Ну и потому, что это было охрененно.

– Папики нравятся? – сдержавшись, просто подколот он, конечно же, впустую.

– Кому-то папики, кому-то красивые блондины, кому-то инопланетные формы жизни или девчонки. Что-то не так? – Но ответ вряд ли был ей интересен, и она спросила другое: – А тебе кто нравится?

«Ты», – чуть не сорвалось с языка. Черт, стоп, стоп сейчас

же, они познакомились полтора часа назад и успели только вместе сходить в магазин. Ну и поцеловаться разок, но это ведь так, взаимная проверка на вшивость.

– Яркие личности, – уклончиво ответил он и посмотрел на голубую ленту реки под ногами. – С Кротом из «Ветра» я бы скончался в первый день совместной зимовки.

Марти расхохоталась и подмигнула.

– Тебе со мной на даче жить... месяц. Не меньше. Не переживай, я точно не Крот.

Хорек. Скорее хорек. Именно из тех, киношных, которые играют спектакли, делают страшные глаза и вкрадчиво поют на ухо: «Только так в безумном мире сможешь выжить ты, дружок!» Ей не хватало лишь круглых темных очков и шляпы-котелка.

Ненавижу весь этот философский треп, но то, как Марти меня чувствует... серьезно, она будто под кожу мне пробралась и в кровь. И без пафоса заговорила о главном, о чем я часто думал (спасибо Его Чести, но не только): а хороший ли из меня врач будет с таким, не побоюсь этого слова, мразотным характером? Не зря ли все? Тут можно было бы послушать совет отца: «Работай над собой, если тебе что-то в себе не нравится». Я работал, но в какие-то моменты просто не понимал, чего не хватает. Почему во мне нет «крысиности» в духе Грэма – рассудительности, умения всех заземлять и спокойно на все реагировать. И почему так страшно от мысли, что однажды я очнусь в

окружении перепуганных Кротов, которые будут только хватать меня за руки, жалобно заглядывать в глаза и твердить: «Ты должен нам помочь. Своей жизни у тебя быть не может. Ты сам это выбрал».

А Марти говорила так, будто боится того же. Или чего-то похожего. Будто и она что-то из себя вытравливает. Так, стоп. Это пройденный этап. Надеюсь.

В общем, в конце августа я сказал отцу, что перевожусь в Москву. Ради Мариночки, любви всей моей жизни. Мне нравилась мысль сменить обстановку, да и вуз меня привлекал: престижнее, в столице. Кто-то умный сказал: «Нельзя бесконечно откладывать все на потом». Ах да, это был я.

Отец был счастлив сразу по трем причинам: избавлялся от необходимости внимать слухам про меня, был уверен, что я влюбился в правильную девушку, а еще знал, что у этой девушки много крутых друзей, которые, возможно, примут в свой круг такое высокомерное ничтожество, как я. На радостях даже подарил новую машину – чтобы я катал их? Догонял, если они начнут панически разбегаться? Чтобы что? Неважно. Неплохое дополнение, учитывая, что сам я собирался подарить себе новую жизнь.

Впрочем, как я вижу... все вы тоже.

05.06.2006. Лев Ларин

Oh well. Сразу скажу, безнадега. Я никогда не вел дневников, а человек сугубо не творческий. Что обычно здесь пишут? Стараются красиво и интересно? Так хочется сжульничать, списать у остальных, в школе я вот списывал сочинения, точнее, договаривался на бартер: с тебя, my dear classmate, разбор мотиваций Базарова, а с меня – решенные уравнения по химии. Ну ладно. Попробуем. У нас на работе суровое издевательство над мозгом называется «brainstorming». Будем «стормить». Я же не хуже всех?

Попробую просто уцепиться за какую-нибудь мысль. И уцеплюсь за ту, которая опять мелькнула сегодня, когда мы поругались с отцом. Да, ребята. Мы опять. Вы в курсе, как это у нас бывает; глупо ныть здесь, тем более можно позвонить любому из вас и поныть вслух. А лучше просто выпить пивка и как всегда забить, что я и собираюсь в скором времени сделать, но...

Shit. Он будто специально взрывает все мосты между нами. И ладно бы просто взрывал, но потом ведь строит заново и минирует. Сегодня вот предложил внепланово закупить новое оборудование в лабораторию, в том числе крутейшие хроматографы⁸, которые и в Америке-то только появились. Но при условии: я выступлю на какой-то там сраной конференции для молодых

⁸ Хроматограф – прибор для разделения и анализа смесей вещества.

бизнесменов. Я. Totally not a businessman.

С другой стороны, не многовато ли я требую, учитывая, что у меня самого с пониманием других особой моего вида неважно? Мне бы твое умение, Дэн. У тебя-то проблем нет. Хм, может, познакомить тебя с отцом? А, shit. В наш прогрессивный век он меня не так поймет. Да, опять это слово. А ведь так все однажды и началось. Помните? Вы поняли меня, когда он – не.

Все исследовательские департаменты корпорации «Асклепион» по-своему назывались, еще с девяностых. Были ответственные за бифидобактерии – «пастеры» и фитотерапевты – «шичжэни». Были специалисты по успокоительным – «павловцы». Были противовирусники – «кохи» и, конечно, были исследователи широкого профиля, периодически кочевавшие к коллегам на разовые проекты, – «галены». Департамент № 3 – Левин. Тот, который, по словам его же отца, «вечно бесоёбит».

Ничего они не бесоёбили – просто у начальника был день рождения. Пятьдесят лет человеку, и десять – тут! И они немного (шесть-семь бутылок вина на десять сотрудников да еще полбутылки коньяка) накатили. Ну, скромно. Тихо. Ученые же.

Посидели часика два. Расползались поодиночке: кто-то держась за стены, кто-то проклиная спирты как класс. Несгибаемый Лева – спокойно и гордо. Посматривая по сторонам (некоторых предметов почему-то стало по два), он попрощался с охраной (сиамские близнецы? Когда наняли?), по-

том – с очаровательными рыжими секретаршами с ресепшена (сестры-близняшки?). В лицо подул свежий ветер с улицы, свобода была близко. И...

Выход преграждала гора. Не в прямом смысле, хотя сложение у «горы» было атлетическое благодаря спортзалу. Но дело не в этом. Просто Леву ждал ужасный пик Мордора, в огне которого плавилась кольца, карлики и надежды на спокойный вечер. Отец (а чаще «Самуил Иванович» или «Сизиф»), даже в мыслях) тоже собрался домой.

Случись встреча в стерильно-строгих коридорах, в царстве делового этикета и должностных инструкций, начальник-папа мог бы вежливо приподнять бровь, проводив глазами прямую, пусть и шаткую, фигуру сына-подчиненного. Но встреча произошла на улице. Регламентирующие документы и нехитрая мудрость о соре в избе уже потеряли власть. Отец прощально улыбнулся охране через стеклянную дверь, взял Леву за плечо, не по-родительски затолкал на переднее сиденье своего автомобиля и сел на водительское место. Машина тронулась. Мир закачался.

– Ну чего, сын мой? – Голос был как у разбуженного медведя. И никаких вам ласковых плюшевых панд, настоящий сибирский монстр.

– What? – ровно спросил Лева, прикрыв рот рукой. Зря, такое амбре не скроешь.

– Когда же ты, черт возьми, начнешь серьезно относиться к жизни? – В «жизни» отец выделил первый слог так, что

показал все зубы. – Менделеев ты недоделанный!

– Я и так серьезен. Totally, – Лева поерзал. Под задницей что-то мешало. Он надеялся, что не пистолет, рачительно зашитый в сиденье. Бывали у отца такие заначки.

– Ты уж определись, кстати, – не переставал ворчать отец. Глаз от дороги он не отрывал. – Менделеев или вшивый англичанин. Заебали твои энго... англи... иностранщина.

Лева решил не обогащать его словарный запас «англицизмами» и не уточнять, что Менделеев был специалистом немного из другой оперы. Не стал и говорить, что руководителю *такого* холдинга не помешало бы это знать, прочесть хоть статейку в энциклопедии «Я познаю мир» для малышей. И вообще стало обидно: лучше бы его сравнили с кем-то другим. Впрочем, у отца даже «Пастер»⁹ и «Флеминг»¹⁰ прозвучали бы оскорбительно, примерно как «козел» и «баран». Лева устало откинул на спинку сиденья голову. Слишком затянулась подводка к лекции о пьянстве на работе.

– Мы просто... – Он решил сразу оправдаться. Раньше сел – раньше выйдет.

– О, поверь, – Сизиф только скривился, – мне похуй, что вы бухали. Меру вы знаете. Только бы без травы, это не на работе.

⁹ **Луи Пастер** (1822–1895) – французский химик, разработчик технологии пастеризации и вакцины от бешенства.

¹⁰ **Александр Флеминг** (1881–1955) – британский микробиолог. Впервые выделил пенициллин из плесневых грибов.

– Артем Витальевич не... – Леве стало даже обидно за шефа. Тот был ЗОЖником, довольно упертым. Ну только перед коньяком устоять не мог.

– По-хуй, – повторили по слогам.

Автомобиль забуксовал в потоке собратьев по пробке, а Сизиф нетерпеливо щелкнул пальцами – привычное немое «заткнись», которое Лева усек с детского возраста. Заткнулся с великой радостью, препираться не хотелось.

– Конечно, если ты расхерачишь тачку или башку... или вы изгадите перспективную формулу... – продолжил отец, – я вас всех где-нибудь, скорее всего, прикопаю. Или будете у коллег подопытными, а то у нас нехватка макак, мне сказали...

– Как ты гуманен, – умилился Лева. Сизиф парировал с явным удовольствием:

– Генетика. – Какие-то умные слова он все же выучил. – В кого тебе еще идти?

Оба знали в кого, но никогда об этом не говорили. Вот и сейчас к горлу подкатил вязкий кисло-горький комок.

– Жаль только, что ты такой тупой во всем, кроме своих баночек, и что на тебя совсем нельзя положиться.

С этими словами отец достал из бардачка сигареты. Заметив, что он ищет зажигалку, Лева вынул из кармана свою – в виде небольшого антикварного револьвера – и нажал на спуск. Будь это настоящее оружие, пуля попала бы отцу в голову, пробива череп, забрызгав стекло мозгами, и избавила

его, Леву, от множества проблем. Едва вспыхнула эта мысль, Сизиф усмехнулся. Прочел ее в глазах? Нет, вряд ли.

– Положиться? – Впрочем, подтекст был понятен. А следующие слова угадывались дословно.

– Твое будущее, которое ты проебываешь прямо сейчас, – величественно изрек отец, зачем-то поводя в сторону сигаретой, – в моем кресле.

Лева едва сдержал стон. Хотя он слышал это не раз, впервые пришла в голову ассоциация. Был такой мультик, «Король Лев», а там – сцена, где большой лев вдохновенно впаривал мелкому львенку, что «вот, Симба, это земли Прайда, и все, на что падает солнечный свет, – твое». Львенок вроде был счастлив. А Лева...

– А не среди микробов, – вещал Сизиф, как старая пластинка. – Думаешь, *мне*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.